

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

библиотека

bibliothèque

NEVZOROV HAUTE ECOLE

НАСТАВЛЕНИЕ
КОРОЛЮ
В ИСКУССТВЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ
НАПИСАННОЕ МЕССИРОМ
*А*нтуаном де Плювинелем

В ПЕРЕВОДЕ И С ПОСТРАНИЧНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ
АЛЕКСАНДРА НЕВЗОРОВА

книга первая

**НАСТАВЛЕНИЕ
КОРОЛЮ
В ИСКУССТВЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ,
НАПИСАННОЕ МЕССИРОМ
АНТУАНОМ ДЕ ПЛЮВИНЕЛЕМ**

библиотека

bibliotheque

**В ПЕРЕВОДЕ И С ПОСТРАНИЧНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ
АЛЕКСАНДРА НЕВЗОРОВА**

книга первая

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

Астрель-СПб
Санкт-Петербург

УДК 798.23+94/99
ББК 63.3 (0) 4
П 40

Серия «Библиотека Nevzorov Haute Ecole»

Перевод, предисловие и постраничные комментарии Александра Невзорова
Подстрочный перевод Яны Мошко

Плювинель де, А.

П 40 Наставление королю в искусстве верховой езды, написанное мессиром Антуаном де Плювинелем, в переводе и с постраничными комментариями Александра Невзорова. Кн. 1/ Антуан де Плювинель — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. — 128 с. — (Библиотека Nevzorov Haute Ecole).

ISBN 978-5-17-053756-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1280-5 (ООО «Астрель-СПб»)

Величайший памятник литературы XVII столетия, труд Мастера Высокой Школы Антуана де Плювинеля (1552–1620) «Наставление королю» — теперь доступен русскому читателю. Этот уникальный текст до сих пор не потерял своей актуальности и продолжает удивлять читателя злободневностью темы. В центре книги лежит противостояние двух Школ верховой езды — Высокой Haute Ecole и низкой и подлой к лошади Basse Ecole, умело сокрытое автором в наставлениях королю Людовику XIII в постижении искусства Высокой Школы.

Перевод книги был выполнен А. Невзоровым и содержит обширные постраничные комментарии, помогающие глубже понять книгу и эпоху, в которую она писалась. Сейчас перед вами — первая часть этого уникального труда.

УДК 798.23+94/99
ББК 63.3 (0) 4

Сдано в набор 10.02.2008. Подписано в печать 07.08.2008.
Формат 70×90/16. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,3. Тираж 3000 экз. Заказ 9464.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

© ООО «Астрель-СПб», 2008
© Nevzorov Haute Ecole, 2008
© А. Г. Невзоров, 2008

ВОЙНА ШКОЛ

HAUTE ECOLE против BASSE ECOLE

Предисловие к первому изданию
А. де Плювинеля
на русском языке

Я долго колебался: публиковать или нет на русском языке этот, первый за четыреста лет, перевод труда величайшего из классиков Haute Ecole, отца и основателя этой Школы мессира гранд-мастера Антуана де ля Бом де Плювинеля.

Впрочем, его официальным титулом в сложной, запутанной, полусекретной иерархии Школы был «Prior Praeceptor», что означает старший наставник.

Мессир гранд-мастер – это так, литературщина.

Традицией Школы всегда была секретность, скрытость. Это касалось как методик воспитания, приемов, особенностей средств воздействия, диетологии, ветеринарии, особенностей манежных грунтов, так и реальной иерархии (внутренних, Школьных титулов Мастеров).

Есть вполне разумное, на мой взгляд, мнение, что секретность и закрытость Школы отчасти была связана с тем, что все ее Великие Мастера, а также финансисты, идеологи и основные покровители были так или иначе связаны с «поздними» тамплиерами, вернее, с тем ранним «предмассонством», в которое переродилась духовная, мистическая и политическая суть великого рыцарского Ордена Храма Соломонова, осмелившегося еще в XIV веке заявить человечеству о ложности и пустоте христианских убеждений. Формально Орден был разгромлен, перебит христианами, его магистры и прецепторы были сожжены еще Филиппом Красивым в 1314 году, но поразительные открытия, сделанные тамплиерами, разумеется, очень прочно завладели умами. Смерть на костре под улюлюканье христианской толпы, как выяснилось на примере Жака де Моле да и еще тысяч достойнейших людей, – удовольствие небольшое и совершенно бессмысленное. Тайные последователи, продолжатели дела тамплиеров, не желающие повторять судьбу Жака де Моле, почти за три века научились скрываться и лицемерить, научились секретить практически все: взгляды, знания, уме-

ния, особенности собственной жизни, методы, которые позволяли лидировать практически во всем (начиная от дела воспитания лошадей и кончая ремеслами и литературой). Следует помнить, с каким бешенством христианство пресекало любую попытку мыслить.

Принадлежность Антуана де Плювинеля и других Мастеров Школы к сообществу «поздних» тамплиеров, в общем-то, несомненна, но их философские взгляды и особенности религиозных практик – отдельный, не имеющий отношения к делу разговор.

Я всего-навсего объясняю традицию строгой секретности Школы.

Впрочем, у этой особенности Школы, помимо тамплиерских традиций, происхождение было вполне утилитарным и бытовым.

Поразительное для того времени искусство верховой езды, явленное отцами-основателями Школы (Гризоне, Фиаччи, Пиньятелеччи, Пигнателли, Плювинелем и другими), стало сверхмодным очень быстро.

Разумеется, как и вокруг всякого очень востребованного, очень популярного явления, вокруг Школы образовалась толпа проходимцев всех мастей, выдающих себя за Мастеров Haute Ecole.

На каждом постоялом дворе провинциальной Франции обязательно концертировал какой-нибудь усач с огромными шпорами, «лошадиный заклинатель» того времени, потрясавший публику мутным пиаффом или таким же амбуате и ссылавшийся при этом на дружбу с Пигнателли или Гризоне или ученичество у самого Плювинеля.

Понятно, что все это всегда было враньем.

Такие проходимцы были, впрочем, непременным фоном для того грандиозного явления, которым была подлинная Haute Ecole.

Они были, вероятно, в высшей степени омерзительны, но бессильны. В структуру, в реальную структуру Школы они проникнуть не могли, не знали подлинных методик, приемов и правил. Им были недоступны секреты Школы, и никто из них никогда не имел возможности видеть манежную работу Мастеров.

Проджимцы-подражатели громогласно рассуждали об амбуате или тер-а-тере, порой таскали под мышкой засаленный том Гризоне или Чезаре Фиаски (Фиаччи), щеголяли страшными мундштуками, шпорами, кавессонами и усами, но следа в истории не оставили.

Никакого.

Сохранилось лишь несколько их мерзких имен, приводить которые я попросту поленился по причине их полной несущественности для истории Школы.

Обычно они торговали «чудодейственными железками» собственной конструкции, «магическими» подковами, ломаными седлами, которые легко впаривали лохам, обещая, что именно такое седло обеспечит крепкую и легкую посадку, и прочим барахлом.

Лошадей проходимцы калечили быстро и страшно. Ради эффекта, ради секундного шоу, ради возможности быстро прославиться и прибиться к какому-нибудь двору или сообществу жадных до отэколевского блеска провинциальных дворян. Дворяне некоторое время носили на руках такого проходимца, почитали за мэтра и полубога, а когда он своими экзерсисами ломал челюсти и разбивал ноги всем лошадям в округе, так же эмоционально изгоняли его.

Жаль, убивали редко.

Проходимец уносил ноги и луидоры, собранные за несколько уроков и за впаренное провинциальным поклонникам Haute Ecole «магическое» барахлишко, применение которого должно было принести «огромные успехи в выездке настоящей Школьной лошади».

Проходимец бежал из Гиени в Нормандию, из Нормандии в Тулузу или Тур, возвращался в родной Эгл, менял имечко, колет, сбивал или красил усишки и снова везде гастролировал и везде собирал луидоры, оставляя по французским провинциям страшный и потешный хвост из искалеченных лошадей и обобранных лохов.

Разумеется, эта шушера была очень жадной до настоящих секретов Школы.

Впрочем, у Мастеров Школы, запершихся под сводами королевских манежей или манежей принцев крови, до поры до времени была защита от проходимцев подобного рода.

Как правило, это был серый блеск швейцарских алебард и озорная непреклонность мушкетеров, которым просто приносило удовольствие избить пожнами или мушкетными сошками какого-нибудь околачивающегося под стенами Версаля подражателя. Эпоха, как вы помните, была жестковатой.

Дюма в своих «Мушкетерах» как-то обошел этот момент, но если вспомнить мемуарику того времени, повествующую о нравах, то первым делом вспомнится де Люинь, красочно поведавший о том, как в Версале рота мушкетеров, отметлив и бросив без сознания какого-то подзрительного типа, хохоча, успела справиться на него большую нужду.

Впрочем, проходимцы подрастали. Оттерев с лица мушкетерские кашки, они шныряли дальше по жизни, матеря на лоховских луидорах, обрастая париками, кружевами, титулами, званиями, покровителями. И, подрастая, начинали представлять реальную опасность, пытаясь разведать, чем же в действительности занимаются те, кого было принято считать гениями Школы.

Они организовывали подглядывания и подслушивания, платили грумам и конюхам, подкупали манежных поливальщиков и уборщиков навоза, кротоловов и ветеринаров, чтобы те подглядывали, подслушивали, записывали, зарисовывали... Подкуп разнорабочих в знаменитых манежах был делом самым распространенным. Но это – полбеда.

Проходимцы подрастали, и все чаще обнажались шпаги. Все чаще раскупоривались пузатые скляночки с ядом.

История Школы хранит память о странных смертях Школьных лошадей больших Мастеров.

Все объясняется, впрочем, очень легко. Лошадей травили, закалывали по ночам наемные «брави».

Школьная лошадь – это очень «долгая история», это и тогда, со всеми причиндалами тогдашней системы воспитания лошади, пять-семь лет ежедневной манежной работы.

Если лошадь погибала, то ситуацию нельзя было поправить ни за день, ни за месяц.

А публика требовала шоу.

Расчет был прост: ликвидируется Школьная лошадь, и реальному Мастеру показать нечего. Тогда на манеж выходит изувеченная, с отломанными челюстями, зашпоренная лошадь проходимца.

А зритель? Он, как известно, по определению глуп.

Возможно, три-четыре знатока отличат настоящее балансе от грубой подделки, но их будет всего три... или четыре человека в галдящей, восхищенной толпе зрителей.

Так что помимо «тамплиерской» подоплеки, как видите, была и строго бытовая подноготная отэколевской традиции – никаких посторонних в манежах или конюшнях. «Никому не подходить к лошадям близко, не кормить, не трогать, не прикасаться к голове или ногам...»

Но все это, впрочем, лирика.

Возвращаемся к нашему переводу Антуана де Плювинеля.

Итак, этот перевод книги Плювинеля, как я уже сказал, существует уже несколько лет, но существует как бы для «служебного пользования», а вернее, для моего личного.

Лишь некоторые главы, вернее небольшие выдержки, я показывал и публиковал, сознательно скрывая и от простого читателя, и от русских адептов Haute Ecole потрясающий памятник стиля, ума, знаний, очень своеобразного понимания лошади и искусства верховой езды.

Я даже своим прямым ученикам не давал читать Плювинеля, предлагая им довольствоваться моим пересказом отдельных глав или краткими цитатами. Дело в том, что мне всегда было стыдно за Плювинеля. За очень многие его высказывания и поступки.

Если глупость и жестокость Джеймса Филлиса в отношении лошади или те же черты Франсуа Боше всегда мною выставлялись напоказ и широко рекламировались, то почти те же самые глупости и жестокости Плювинеля я тщательно прятал от сегодняшних поклонников возрожденной мною Haute Ecole.

Филлис или Боше к Haute Ecole никакого отношения не имели и занимались примитивным механистическим дрессажем под брендом собственного имени, цирка или Сомюрской школы.

В истории отношений человека и лошади их место уже определено, и оно не очень почетно. Они – большие мастера именно того, что шева-лье де Нестьер в свое время назвал Basse Ecole (Низкой школой).

Теперь уже понятно, что и тот и другой (Филлис и Боше) были, прежде всего, идеологами предельной жестокости и идиотизма и относились к лошади как к глупой мясной машине, которая включается только сильным ударом шпоры.

Они же стали фундаментом сегодняшнего конного спорта в его европейском понимании, внушив поколениям идеологию Basse Ecole –

очень жестокого, очень примитивного насилия как естественного и единственного способа взаимоотношений человека и лошади.

Более того, они изобрели некие каноны лошадиных движений, искажающие, уродующие, насилующие лошадиную биомеханику, – каноны, которые в течение полутора веков были эталонными.

Но что касается мастеров, идеологов, теоретиков и практиков Basse Ecole (а их было множество), то громить и позорить их мне всегда доставляло огромное удовольствие.

С Плювинелем все несколько иначе.

Во-первых, смешно сказать, но я чувствую свою ответственность.

Память о нем, как память о всяком гении, – очень легко пачкающаяся штука.

В России Плювинель спустя четыреста лет после смерти получил известность во многом благодаря мне.

Именно я его презентовал сегодняшним последователям Haute Ecole как отца-основателя Школы, что чистая правда.

Именно я в своей «Лошадиной Энциклопедии» познакомил с ним русских конников, которые имели о нем представление (если имели) весьма приблизительное.

Следовательно, при обнаружении подлинного текста мессира де Плювинеля именно мне за него пришлось бы краснеть и объясняться, тем более что мест, которые по невежеству можно принять за откровенную гнусность, в его книге много.

Мне было бы легче, если бы книга не существовала вовсе или существовала в одном-единственном экземпляре, который хранился бы у меня.

Я бы с большим удовольствием скрыл ее навсегда от просвещенного человечества, а перед смертью спалил бы ее в камине с чистой совестью.

Без всякой дрожи в душе.

Просто чтобы избавить слабые души от искушений глупо и превратно истолковать Плювинеля.

Осталась бы прелестная легенда о нем, мною же откорректированная, десяток нужных цитат... и все.

Имя Плювинеля как родоначальника Haute Ecole осталось бы чистым и сияющим.

Вариант, конечно, соблазнительный, но абсолютно нереальный.

Нереальный, ибо труд Плювинеля выдержал несколько десятков переизданий, его экземпляров в мире сохранилось довольно много.

Гравюры Криспиана де Па, очень недурные, добавили «Наставлению» популярности, способствовали и способствуют переизданиям.

Иными словами, для очень впечатлительной русской публики Плювинель рано или поздно все равно бы «всплыл», и этому никак нельзя было бы воспрепятствовать.

Так что всякие там сцены у камина и ерошение кочергой пылающих страниц древнего фолианта с его рецептурой изощренного мучительства лошади – праздные, пустые мечты.

Есть, правда, и еще одна причина, по которой драгоценный фолиант, даже если бы он был в единственном экземпляре, можно было бы не сжигать.

Вообще-то я тоже был читателем Плювинеля. Читателем жадным, страстным, внимательным, но сумевшим «пройти мимо» глупостей и гнусностей и не принять их как устоявшиеся догмы Школы или как индульгенцию, позволяющую грубить лошади. Я в свое время искал в Плювинеле совершенно другое.

И ведь находил же!

Никаких серьезных оснований полагать, что те несколько (пять-шесть) человек, которые всерьез прочтут эту книгу и какое-то время будут «дышать» ею, подпадут под влияние ее «гнусной» части, теперь уже нет.

Очень изменился мир. Очень изменилось отношение к лошади.

Отчетливо нарисовалась грядущая победа Haute Ecole над вечным своим злобным оппонентом – Basse Ecole.

Конечно, абсолютное большинство приобретателей этого фолианта навсегда поставят Плювинеля на полку как любопытный памятник словесности, который нужно иметь, но можно не читать.

Эти люди – лучшая категория читателей, наиболее мне симпатичная, и я заранее благодарю ее за то, что полностью удовлетворенная солидностью переплета и фактом обладания столь редкой книгой, она и не станет заглядывать дальше предисловия.

И не надо. Дальше – очень сложная, запутанная каббалистика, очень специальная и скверно читающаяся. Поверьте, там нет ничего интересного.

Есть еще одна категория читателей – это мрачные сторонники Basse Ecole, таращащие вурдалачьи глаза из-под своих заплесневелых цилиндров, жокеек и треуголок, злобные и амбициозные упыри, питающиеся лошадиной кровью и болью, – спортсмены, мастера т. н. классического дрессажа испанского и португальского типов и подражатели им.

Впрочем, те, кто ищут оправдания своей глупости и жестокости, своему нежеланию понимать лошадь и быть ею понятым, тоже, рано или поздно, докопаются до книги мессира и наполнят свою душу всей той грязью, которая мирно соседствует у Плювинеля с мгновениями просветления.

Держа в руках эту книжечку, надо понимать, насколько она энергична, наэлектризована и сильна.

Именно с нее начался поворот к лошадиной душе и с нее началась регламентированная практика утонченного и квалифицированного мучительства лошади.

Плювинель угадывает смертоносность «железа», специально оговаривает, что любое «железо» в лошадином рту причиняет боль, неудобства и страдания.

Плювинель первым смягчает шпоры (цепляя на них шарики, по типу теннисных), но он же проповедует очень жесткий, открытый удар голой шпорой.

Он – двулик.

Рефлексии – ни капли. Ни единого доброго слова о лошади.

Впрочем, вообще любая «розовость», чувствительность – это не его стиль.

Совсем уж запредельные глупости Плювинель вкладывает в уста специально введенного для этого персонажа – Ле Грана. Именно Ле Гран повествует (восхищенно) о лошади, которая за раз делала восемьдесят каприолов.

Конечно, Плювинель рисуется.

Он важничает. Он принимает степенную позу, устремив вперед клинышек рыжей бородки и томно закатив глаза, изо всех сил придает своему лицу приторно-ученое выражение.

Он понимает, что в своем фолианте он обращается к векам, к далеким поколениям Мастеров Школы, которые и через четыреста лет будут читать его книгу с ритуальной жадностью.

Ощущая свою роль Отца, идола, легенды Haute Ecole, он стремится выглядеть перед этими пятью-шестью *настоящими* читателями книги учтивым и благостным, великим Мастером лошади и умелым царедворцем одновременно...

Все ложь, мираж и обман.

Его прозвище, «Грубиян», намертво приклеившееся к нему при дворе, никаких иллюзий о том, что это был за человек, не оставляет.

Точно известно, что Плювинель был вспыльчив (с людьми), резок, имел отвратительные манеры, одевался цветасто, но неряшливо.

Да, он был блистательно великодушен, он был мудр и понимал лошадь и смысл Школы лучше, чем кто-либо в то время, но он был в рабстве у своего весьма мрачного века.

Свою книгу он писал, обращаясь к ничтожно малому числу своих *настоящих* читателей. Все прочее его мало волновало.

Если бы не его талант и знания, он не был бы терпим при дворе более одного часа. Его либо сразу выдавили бы из дворцовой тусовки, либо бы стрелочкой с дагой во лбу отправили бы в путешествие по грязному дну Сены.

Для людей с таким характером, как у Плювинеля, дуэли (лучший инструмент естественного отбора французского дворянства) были полным и окончательным приговором.

Плювинель ухитрился практически ни разу всерьез не подраться.

Кто и за что конкретно прозвал его Грубияном, точно неизвестно.

Но никто иначе его не называл.

Но известно, что он абсолютно не вписывался в ту «ярко-голубую» тусовку, что властвовала при дворе, определяя и моды, и стиль поведения. Будучи человеком очень верной ориентации, он так и не повелся на все те огромные возможности, которые давал каждому благообразному французу при дворе его зад. Известно, что вся карьера Ле Грана (Бельгарда) имела строго гомосексуальное объяснение и, кроме умения в нужном месте спустить штаны и повернуться в правильном направлении, блистательный маршал не обладал, увы, ничем. Так что никто Плювинеля иначе как Грубияном и не называл.

К сожалению (или к счастью), в той единственной книге, которую Плювинель нам оставил, практически нет никаких секретов мастерства.

Их там и не может быть, так как Грубиян сознательно избегает, тщательно обходит всю содержательную часть, фундамент воспитания лошади – работу «в руках» и «на земле».

Как будет хорошо понятно из моих комментариев в тексте – книга не о мастерстве.

Тому, кто ищет в ней секреты Школы, ее можно и не открывать.

Простак, ожидающий откровений, следуя которым он сможет поставить лошадь на тер-а-тер или курбет, как бы жадно ни вчитывался, как бы ни сверлил глазами каждую букву книги, как бы ни перечитывал по сотне раз абзацы, ни черта не поймет.

В этом смысле фолиант безвреден.

Слепое следование наставлениям лукавого Мастера приведет только к полному сдвигу лошадиной психики, к дикому сопротивлению, истерии лошади и не послужит ни в малейшей степени исполнению ни единого элемента.

Это действительно «Haute Ecole для чайника» (короля), которому уготована роль куклы, долженствующей впечатлять зрителя осанкой, грацией и тем невмешательством в работу лошади, на которую юный Людовик, собственно, и обречен. Его ни в какие секреты не посвящали, к мастерству не приобщали.

Людовик – кукла. Вокруг него – Мастера, полирующие, взводящие, регулирующие, запускающие или останавливающие механизм Школьной езды, уже очень модной, уже неременной. Сам король к механизму отношения не имеет. И иметь не может. И не должен. Более того, даже столь великолепное умение – дело «людей», слуг, мастеровых.

Это несколько девальвирует и лишает «Наставление» ценности, но эта книга – единственное, что осталось от Плювинеля, и никакое иппологическое образование без знания ее немыслимо.

Только дилетант или дурак не понимает, что 95 % в Школьной работе происходит «на земле», «в руках», «на свободе» и 5 % – под верхом.

То, что происходит верхом – лишь следствие воспитания «в руках» и «на свободе». Другого пути нет. Все остальные пути не имеют к Высокой Школе ни малейшего отношения.

Но о работе «в руках» или «на свободе» Плювинель не скажет почти ни слова. При этом понятно, что все, чему научена лошадь, она научена

«в руках». Королю предлагается взобраться верхом и изобразить всадника.

Впрочем, не забываем, что у Плювинеля, свято соблюдавшего традиции «поздних» тамплиеров и обычаи Мастеров Школы, была при написании книги сверхзадача – не проговориться, не выдать ни одного реального способа обучения лошади тому или иному элементу.

Со дней его прецептуры (Плювинеля), по сути дела, и началась когда-то смертная, лютая война школ Haute Ecole и Basse Ecole. Эта война будет, вероятно, вечной. По крайней мере долгой и жестокой.

Haute Ecole – Высокая Школа. Школа высоких элементов, приподнятых над землей, но, прежде всего, – Школа очень высокого отношения к лошади, Школа благородства и самоотверженности человека, Школа поиска другой «стилистики» влияния человека на лошадь.

Basse Ecole – низкая школа, причем прилагательное «низкая» – не есть понятие геометрическое или уровневое, а именно «низкая, подлая, позорная». По прямой аналогии с «bassesse», что означает «низость». Это в действительности школа самого «низкого», подлого отношения к лошади, изобретавшая и изобретающая омерзительный инструментальный болевого воздействия на лошадь и использующая его по сей день.

Ее адепты отточили идеологию и практику сегодняшнего конного спорта в его европейском понимании, внушив поколениям идеологию Basse Ecole – очень жестокого насилия как естественного и единственного способа взаимоотношений человека и лошади. Более того, они изобрели некие каноны лошадиных движений, искажающие, уродующие, насилующие лошадиную биомеханику. В течение полутора веков – эти каноны были эталонными.

Верховая езда и вообще искусная работа с лошастью, где движения лошади должны подчиняться некоему придуманному человеком эстетическому критерию, – сейчас разрушается на глазах. По понятным причинам.

Становится все более широко известно, что никаких «отношений» меж человеком и лошастью нет, что это сладкие сказочки для идиотов. Нет единения, нет единомыслия.

Есть набор жестокого инструментария, отполированный веками, с помощью которого, причиняя жестокую боль во рту, в нижней челюсти, в затылке и шее, поведение и движения лошади корректируются человеком.

Правду о садистской, примитивной сущности как классической выездки, так и спорта становится скрывать все труднее.

Возникает простой вопрос: а почему, собственно, движения лошади должны быть такими, какими их себе представляют Филлис, Боше, Гериньер, Венская Школа или ФЕИ?

Вся эта публика, заставляя лошадь двигаться и исполнять элементы и фигуры дрессажа, в качестве основного побудителя лошади к исполнению использовала боль. И использует по сей день. (Это и о ФЕИ, да и о Венской Школе тоже.)

И то, что мы видим сейчас в классической и спортивной выездке, есть, прежде всего, следствие того мощного болевого воздействия, с помощью которого человек регулирует движения и поведение лошади.

И это типичная для Basse Ecole тенденция навязывает свои эталоны в пассаже, пиаффе, курбетах и прочих элементах и движениях. Следовательно, уж никак нельзя говорить о естественности движений, об их природности, искренности и свободе.

Более того, именно боль используется как зубило, которым из природной глыбы лошадиной биомеханики высекается некая фигура, соответствующая представлениям человека о красивом.

Причем эти представления меняются в зависимости от эпохи, от тенденций в человеческом искусстве, от национальных традиций и особенностей эпероньер и костюма, да и еще от массы причин.

Одна эстетика в испанской выездке, другая – у чикоши, третья – в школе Люраски, пятая – на Олимпиаде и так далее.

А почему бы не спросить саму лошадь, как именно она видит исполнение той или иной фигуры или элемента?

Ведь в своей основе все (или практически все) движения Высокой Школы – это движения, характерные для игр, забав и сражений лошади в ее естественном, природном состоянии.

Ни курбет, ни кабриоль, ни пиафф не придуманы человеком.

Это естественные движения лошади. И именно лошадь является изобретателем всех фигур Haute Ecole, и ей, грубо говоря, принадлежат авторские права на пассажи, курбеты и балансе.

А человек... Человек лишь вносит коррективы, как я уже сказал, приспособливая с помощью боли эти искренние, гениальные движе-

ния к собственным представлениям о прекрасном, насилуя их, уродуя и искажая.

Haute Ecole Плювинеля тем и была сильна, тем и завоевала умы и души, что первая за всю историю человечества попыталась прислушаться к лошади. Школа выездки была запредельно жестокой. Избиения и спецсредства были помножены на грубость тогдашних нравов, на христианское высокомерие человека в отношении всех прочих живых существ.

Haute Ecole, искавшая самые совершенные принципы работы с лошастью во имя самого совершенного результата, первой стала минимизировать жестокость и спецсредства.

Причем именно Антуан де Плювинель, отец-основатель Школы, настолько глубоко и серьезно (иногда) вглядывался в лошадь, что еще в своем XVII столетии вдруг подметил, что «железо» причиняет боль...

Причем в этом наблюдении не было того сладострастия и торжества, с которым болевое воздействие подмечали Бруэ или Ньюкастл. Соломон де ля Бруэ – хохотун, автор скверных стансов и сонетов, пухлый и, судя по портрету, жлобоватый дядечка, удачно совмещавший деятельность Мастера Школы с палаческими изысканиями конструктора «лошадиного железа» (до сих пор его изобретениями пользуется весь конноспортивный мир), был, похоже, гурманом. Он шалел, заводился от лошадиной боли. Он изыскивал способы сделать эту боль страшнее и беспросветнее и этому посвятил целый том своих «Прецепций».

Плювинель, безусловно, был умнее и талантливее прочих. Он был способен на поразительные наблюдения. Он еще не мог преодолеть традиции и стереотипы своего века, но уже умел видеть боль лошади. Красугольным камнем его книги является трезвое, серьезное наблюдение Великого Мастера о пыточности железа, высказанное им, правда, достаточно бесстрастно, но все же высказанное. Задумчиво, степенно, и с сильной акцентацией на этом обстоятельстве. Тот, кто хотел его заметить – заметил.

Вернее тот, кто должен был.

Haute Ecole – единственная Школа работы с лошастью, которая имеет четкую тенденцию развития и умеет оставлять в прошлом дикие или ставшие ненужными средства воздействия на лошадь.

Разумеется, как во всяком большом и серьезном явлении, в Haute Ecole есть «старообрядцы», которые хотят хранить традиции, не задумываясь об их качестве.

В свое время, к примеру, мастер Haute Ecole Чезаре Фиаски засовывал под зад лошади кота, привязанного животом к полке. Кот орал и царапался.

Это делалось из самых благих побуждений, из желания во что бы то ни стало подвести зад лошади под корпус.

Метод Фиаски был популярен и практиковался по всей Европе.

Прошло время, Мастера Школы научили мир подводить зад, не прибегая к «коту Цезаря Фиаски».

Кот должен был забыться, но, как ни странно, нашлись очень агрессивные традиционалисты-«старообрядцы», которые проклинали всех, кто от «метода кота» перешел к новому методу.

Но, тем не менее, кот все же был забыт. И как особо мерзкий способ. И просто за ненадобностью.

Такая же история с «железом» или вообще любыми ремешками на голове лошади.

Не умели собирать лошадь иначе как «железом» – пользовались «железом». (Еще не зная, что сбор на «железе» сбором не является.)

Научились делать «свободный сбор» без всего – отказались от «железа».

Кстати, отказ от «железа» начался сразу же, как только сумма научных и ветеринарных знаний позволила с абсолютной уверенностью утверждать, что у «железа» только одна роль – пыточная. При любых «руках».

Если сохранять традицию «железа», вожжей, медиакан, то почему не сохранить, например, традицию «кота Цезаря Фиаски»?

Все изменилось. На сегодняшний день высшим проявлением мастерства является работа с «голой» лошастью. Никакого болевого воздействия на рот, храп, нервы головы. Вообще никакого болевого воздействия.

В этом нет никакого чуда, никакой новации, по большому счету.

В этом есть лишь естественное развитие Великой Школы, когда-то основанной Антуаном де Плювинелем, книга которого перед вами.

Александр Невзоров

L'INSTRUCTION DU ROY, EN L'EXERCICE DE MONTER A CHEVAL.

PAR MESSIRE
ANTOINE DE PLUVINEL,

fon Sous-Gouverneur, Confeiller en fon Confeil d'Eftat,
Chambellan ordinaire , & fon Efcuyer principal.

Lequel reſpondant à fa Majeſté, luy faiét remarquer l' excellence de fa Methode,
pour reduire les chevaux en peu de temps à l'obeyffance des juſtes
proportions de tous les plus beaux airs & maneiges.

*Le tout enrichy de grandes figures en taille douce,
reprefentant les vrayes & naiſſes actions des hommes & des chevaux
en tous les airs, & maneiges, courſes de bague, rompre en lice au Luintan,
& combatre à l' Eſpée. enſemble les figures des brides,
les plus neceſſaires à cet uſage,
deſſeignées & gravées*

Par CRISPIAN DE PAS.

M. DC. LXVI.
Avec Privilege du Roy Tres-Chreſtien.

НАСТАВЛЕНИЕ КОРОЛЮ В ИСКУССТВЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ,

НАПИСАННОЕ МЕССИРОМ
АНТУАНОМ ДЕ ПЛЮВИНЕЛЕМ,

подчиненным ему Управителем, Советником его Государственного
Совета, его постоянным Камергером и главным Конюшим.

Который, отвечая его Величеству, продемонстрирует ему превосходство своего Метода,
состоящего в том, чтобы за короткий срок образовать из любой лошади подлинное
украшение самых высоких манежей и научить ее
абсолютному совершенству движений.

*Все это дополнено большими гравированными
иллюстрациями, на которых представлены верные и неверные действия
людей, а также лошади на всех эрах, в манежах, при движении по кругу,
и как обучать лошадь у барьера и для схватки с деревянным болваном,
и как сражаться на шпагах. Серию иллюстраций, на которых
точно изображены все самые необходимые для этого аксессуары,
нарисовал и выгравировал*

КРИСПИАН ДЕ ПА

M. DC. LXVI.
Печатается с разрешения Милостивого Короля

*Talis erat vultu princeps moderator equorum
Regibus acceptus qui PROVINCELLUS erat.
Ipse sibi sortem fecit Virtute benignam,
Audyt et FRANCÆ Nobilitatis Amor.*

Выдержка из Королевского Разрешения на издание

КОРОЛЬ патентными письмами, скрепленными его большой Печатью, разрешает Кристиану де Па напечатать у того Печатника, которого он определит сам и продать в той Книжной лавке, в которой он сочтет нужным, Наставление его Величеству в том, как подниматься на лошадь, написанное Господином де Плювинелем и дополненное множеством гравированных иллюстраций, выполненных вышеупомянутым де Па. Строго воспрещается кому бы то ни было печатать или продавать эту книгу, равно как и переиздавать ее всем, кроме самого де Па или тех, кому он дал это право. В противном случае будет наложен штраф в размере трех тысяч ливров, конфискованы все экземпляры и взыскан ущерб и недополученная прибыль, что подтверждают вышеупомянутые письма, выданные в Париже 12 мая 1625 года. Подписано Королем в его Совете.

ПЕРРОШЕЛЬ

M. le Duc
de Beaugarde grand Esuyer de France.
Figure 1. A. 1. part

M. de Pluvinet
fils de M. de Barromain Esuyer du Roy

КОРОЛЮ

Сир, мне так непросто осмелиться взяться за перо, но я счел бы себя недостойным дружбы, которой меня жаловал покойный Господин Плювинель, если бы (я) и дальше умалчивал о таком великолепном человеке.

А, предлагая свету книгу, которую издать удалось лишь после его смерти, но которую он адресовал (посвятил) Вашему Величеству, я рискую прослыть хитрецом или невежей.

Будучи его слугой, полагаю, что он никогда не дал бы этой книге увидеть мир в таком виде, так как в данном фолианте лишь собраны его многочисленные заметки, наброски и экзерсисы.

А убедит Ваше Величество в правдивости моих слов такой факт: за несколько месяцев до того, как оставить этот свет ради света лучшего, Господин Плювинель сделал мне честь, показав то, что начал писать по заказу Вашего Величества в отношении основных правил того метода, с помощью которого он добивался от лошадей безупречного послушания. И, несмотря на то что пока это были лишь наброски, которые он совсем не редактировал, предполагая заняться этим в скором времени, он попросил меня сохранить их, но никому не показывать, поскольку они еще не приведены в тот порядок, который он надеялся им придать, чтобы сделать их достойными Вашего внимания. Но так как смерть (СИР) настигла его до того, как он исполнил свой замысел, я решил молчать о том, что он мне оставил. Я боялся, что нарушу его волю, если представлю на суд публики несовершенное творение. Но, видя, что в свет выходят книги, в которых смысла и полноты куда меньше, чем в написанной тем, чью память я чту, я решил, что должен скорее пренебречь его просьбой, чем страдать потом от того, что пренебрег интересами Вашего Величества. Вот почему (СИР) я преподношу Вам то, что получил от него, в том виде, в каком он вручил его мне, чтобы Ваше Величество удостоверилось, что автор и без лишних слов способен разъяснить свою концепцию четко и внятно. Вы знали его как блистательнейшего из тех, кто когда-либо носил шпоры; как человека, который довел ис-

кусство, о котором я говорю, до совершенства; как терпеливейшего наставника, с чьей помощью ученики достигали вершин этой науки; как человека, расторопнейшего на всевозможные нововведения, целью которых было добиться от лошадей желаемого, не заставляя их прикладывать слишком много усилий; как наилюбезнейшего в том, что определяется умением Всадника; и как человека, который предоставил этому такие доказательства, что о нем можно сказать с определенностью: он научил больше людей и лошадей, чем все остальные за последние сто лет. Если же труд, который я представляю Вашему Величеству, приведен в порядок не в той мере, в какой мне хотелось бы, не сочтите, что это из-за несостоятельности автора, — из-за того лишь, что жизнь оказалась слишком коротка, чтобы предоставить ему возможность придать своему произведению тот вид, которого он бы желал. В заключение нижайше прошу Ваше Величество сообразоваться принять его от меня с тем же великодушием, какое бы Вы засвидетельствовали Автору, поскольку я готов служить Вам с тем же рвением, что и он,

СИР,

Ваш нижайший Слуга,
РЕНЕ ДЕ МЕНУ ШАРНИЗЕ

вершенстве овладеть всеми манежными приемами. И в первую очередь, разъясните мне то, о чем только что сказал Господин ле Гран: почему это упражнение необходимо не только для тела, но и для духа.

Плювинель

СИР, видит Бог, что Вашему Величеству по-прежнему свойственно то, что я и раньше отмечал в нем, а именно желание в совершенстве познать то, чем он желает заняться, и получить полное представление о том, что ему предстоит. И это вселяет в меня надежду, что, если так будет и впредь, Францию ожидает великая эпоха и счастье находиться под управлением самого великого и самого добродетельного Монарха среди всех тех, кто удостоен этого звания в мире. Итак, СИР, чтобы удовлетворить Ваше похвальное любопытство, замечу, с Вашего разрешения, что все науки и искусства, которыми человек занимается сознательно, он постигает в состоянии покоя, без каких бы то ни было встрясок, беспорядочных движений, без малейших опасений. Дети могут упражняться в том, что преподавал им наставник как в присутствии, так и в отсутствие того, кто их учит, ни о чем не беспокоясь. Но в Манеже все иначе: поскольку человек может учиться этому только верхом на лошади, следует сделать вывод, что ему придется сносить все причуды, которые только можно ожидать от неразумного существа, что он рискует столкнуться с гневом, разочарованием, слабостью этих существ, вкупе с теми опасностями, которыми это чревато.

Реплика Плювинеля лишь на первый взгляд кажется странной и нелогичной. К обучению короля он подходит абсолютно прагматично, понимая, что ему предстоит вырастить не Мастера Школы, а лишь пользователя. На современном языке это называется «пенек», т.е. человек, наученный не падать и осанисто изображать хорошую посадку. Так учат актеров, к примеру, которым предстоит играть в конных эпизодах.

Посему сразу следует утверждение Плювинеля о возможности «учиться этому только верхом на лошади». Работу «в руках», «на земле» — он и не собирается предлагать королю,

Король

Господин ле Гран, поскольку мои годы позволяют мне это, и у меня достаточно сил, чтобы удовлетворить мое давнее желание научиться как следует управлять лошадью, чтобы использовать ее либо находясь во главе моих Армий, либо в Манеже для удовольствия, я хочу знать не только о том, что необходимо мне как Королю, но также и о том, как достичь такого совершенства в этом искусстве, чтобы быть признанным среди самых достойных людей в моем Королевстве.

Господин Ле Гран

СИР, Ваше Величество имеет все основания надеяться овладеть самым прекрасным и самым необходимым из всех практикуемых в мире занятий, полезных не только для тела, но и для духа; Господин де Плювинель предоставит такому способному ребенку, как Вы, возможность удостовериться в полной мере в том, что у него еще достаточно сил, чтобы помочь Вашему Величеству достичь вершин этой науки.

Король

Я несколько не сомневаюсь в том, в чем вы меня заверяете, а потому расскажите мне, Господин де Плювинель, что нужно делать, чтобы в со-

справедливо полагая, что тому, чья цель красоваться на парадах, в каруселях и выездах, глубокая наука Высокой Школы как-то и ни к чему.

Основное в Школе – работа «в руках» и «на земле», таким образом, к глубочайшему сожалению, – сразу ампутируется из книги, просто в силу ее адресованности именно королю, то есть «пеньку». Вообще эта адресованность сильно снижает ценность фолианта, превращая его в подобие «HAUTE ECOLE для чайников».

Лишь иногда Плювинель позволит себе выйти за рамки «чайничного» курса, углубиться, увлечься и раскрыть более сложные и серьезные методы, чем того требует ситуация.

Преодолеть или избежать этого поможет лишь овладение наукой, спокойный разум и твердость оценки того, как нужно действовать в самой сложной ситуации (так же быстро и трезво, как если бы Вы сидели за столом в своем кабинете, стараясь научиться чему-либо по книге). Из чего Ваше Величество может ясно заключить, каким образом это прекрасное занятие полезно для духа, а потом Вы овладеете им, привыкнете четко, по порядку выполнять все эти действия, невзирая на волнение, шум, хаос и постоянный страх перед опасностями, и это послужит подготовкой к тому, чтобы смочь выполнить те же действия среди орудий, встретившись с опасностью лицом к лицу. И вот еще одна вещь, весьма достойная быть упомянутой и столь необходимая великим Королям: в большинстве своем люди, даже те, кто призван обучать их доблести, постоянно им льстят. Но если бы в этой науке я захотел льстить Вашему Величеству, мне стало бы стыдно, так как любая лошадь может уличить меня в том, что я неискренен перед Королем, а значит, неверен ему. Вот почему, дабы избежать затруднительного положения, я прошу Ваше Величество не счесть неприятным, если, занимаясь с ним, я скажу ему правду.

А по поводу того, какую пользу извлекает тело из постоянных упражнений такого рода, замечу, что они не только обязывают человека жить умеренной и упорядоченной жизнью, но также делают его свободным во всем, оберегают от всевозможных излишеств и распутства, могущих

пошатнуть здоровье. Известно ведь, что тот, кто испытывает малейший внутренний дискомфорт, не способен выполнить что бы то ни было ни на покладистой лошади, ни на какой другой.

Господин Ле Гран

СИР, меня радует то, как Господин де Плювинель показал Вашему Величеству, что у меня были все основания утверждать: лишь он один способен обучить Ваше Величество всему тому, что имеет отношение к безупречному знанию этого искусства. Я убежден, что от беседы к беседе он будет приобретать все большую уверенность, а она наделит его необходимой для ответов на вопросы Вашего Величества мудростью. Я также убежден, что благодаря его наставлениям, Ваше Величество достигнет того же совершенства, что и он сам, не только в применении приобретенных навыков, для чего необходимо практиковаться в течение весьма долгого времени, но и в Теории.

Король

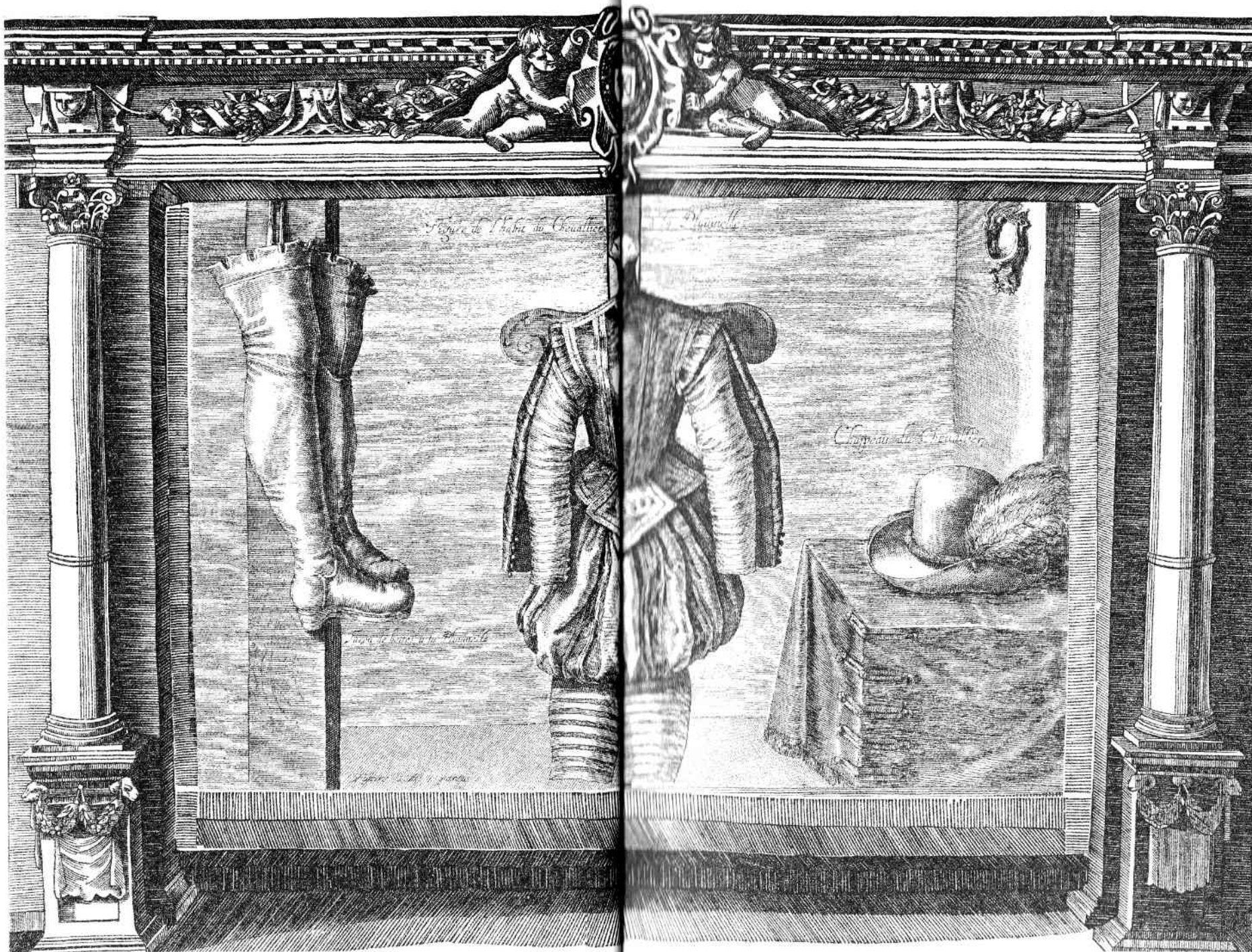
Полагаю, если я хорошо освою эти два первых пункта, я смогу освоить и остальное. А потому начнем, Господин де Плювинель, и расскажите мне, с чего вы хотели бы начать обучение вашего Ученика.

Плювинель

СИР, да будет известно Вашему Величеству, что, хотя большинство людей на что-то способны в самых разных областях, в том числе в той области, о которой пойдет речь, одни, тем не менее, одарены в этом больше, чем другие, и в особенности те, кого Бог наделил сообразительностью и пропорциональным ловким телом.

Король

Какой рост вы находите наиболее подходящим для того, чтобы преуспеть в том, о чем вы говорите?

Плювинель

СИР, я бы отдал предпочтение людям среднего роста, поскольку то, что они крепкие, легкие, раскрепощенные, помогает им быть точнее и энергичнее, и тем самым доставлять большее удовольствие лошади. Высокие обычно недостаточно крепки, а значит, не настолько точны, и, следовательно, лошадь под ними такого удовольствия не получает. Люди маленького роста крепче всех, но это и все, чем они располагают, и в них нет того, что внушало бы страх, когда это необходимо. Чувствуя это, лошадь не проявляет должного рвения, и чаще всего, когда ее нужно наказать, наказание оказывается недостаточно строгим. Тогда как под всадником среднего роста, обладающим теми качествами, о которых я сказал, она может легко достичь совершенства, как это и будет, по моему убеждению, в случае Вашего Величества: это вызовет у Вас минимум затруднений и доставит удовольствие, поскольку Вы располагаете всем необходимым для достижения подобной цели.

Тут можно было бы обойтись и без комментариев: понятно, что преимущества среднего роста так превознесены лишь потому, что юный Людовик был сильно закомплексован отсутствием должной высоты и величия собственной фигуры.

Плювинель был скверным придворным, нарушал этикет, не играл в нужные при дворе игры, но все же был осведомлен, что юный король очень недоволен своим «средним» ростом. Здесь Плювинель очевидно включился в общий хор двора, воспевавший «средний» рост как наилучший для всего, как признак полного совершенства. Сам Плювинель был довольно высок. Вообще, и для Школьной работы «на земле» и в седле, конечно, предпочтителен рост выше среднего.

Вам достаточно будет только уметь (на практике) добиваться расположения обездвиженной лошади, которую Ваши Конюшие обучат для Вас всему. Да будет угодно Вашему Величеству удовлетвориться трени-

ровкой своего тела лишь в этих пределах. А что до Теории, то для того, чтобы Вы в совершенстве овладели тем, что наряду с Вашим Благородством будут делать наиболее достойные признания Вашего Величества, я не откажу себе в удовольствии ознакомить Вас со всеми частностями. Добавлю также, что тот, кого природа щедро наделила всеми перечисленными мною дарованиями, должен начать подыскивать этому некое приличествующее обрамление: этому способствует безупречная чистота платья, в котором Вы будете выполнять избранные Вами упражнения, пешком или верхом. Не только опрятность платья имеет значение, но и удобство.

Король

Как должен быть одет наездник?

Плювинель

Мне бы не хотелось, СИР, принуждать кого бы то ни было одеваться иначе, чем он сам того пожелает, тем более что каждый здравомыслящий человек всегда будет искать и без сомнения найдет нечто сообразное, а на практике поймет, удобно ли ему. Но поскольку я давно занимаюсь тем делом, о котором говорю, я заметил, в чем удобство или неудобство костюма того или иного фасона. Я советую тому, кто собирается предаться этому удовольствию, никогда не надевать тяжелую шляпу, равно как и шляпу со слишком широкими полями, чтобы не уронить ее, управляя беспокойной лошадью; и чтобы не пришлось то и дело придерживать ее рукой. Ведь, кроме того, что в подобном случае не удастся сохранить благопристойность, это отвлечет разум Всадника от стоящей перед ним задачи, а руку – от шпаги или хлыста. Также никогда не следует Всаднику быть без пера: юбки (ренгравы), рупии или воротники для лошади лучше, чем камзол, равно как манишка предпочтительнее жабо. Что же касается бракеттов (braquette), то нет ничего удобнее ленточных без валиков, причем они не должны быть слишком длинными, чтобы видно было бедро Всадника, и находиться им следует прямо в седле, чтобы наезднику было проще дать понять лошади свои маневры.

«Без пера» – выражение сродни нашему «простоволосый». Плювинель утверждает, что всадник не должен быть без шляпы. «Бракетты» – штаны того времени, по крою напоминающие очень пухлые трусы, прикрывающие ногу лишь пальца на два ниже паха. Бракетты шились, как правило, «с валиками», то есть с фигурными или ровными утолщениями по всей их длине, или с накладными лентами в один, два или три слоя, что при ходьбе создавало иллюзию смены цвета штанцов, с рельефной тесьмой, галунами и прочими изысками.

Чулки нужны длинные шелковые на подвязках, а чулки в обувь не должны быть слишком широкими в верхней части; обувь должна быть кожаной, разношенной и не стеснять ногу, либо из тонкой коровьей кожи, либо из плотного сафьяна; растреды сапог довольно длинные, достаточно узкие, но так, чтобы колену в них было удобно. И чтобы шов по ноге был прямой, но на три пальца выше сзади, чем спереди, потому как в этом случае нога будет казаться длиннее и красивее. Голенище не должно быть коротким, чтобы чуть подгибаться книзу: носы нужны квадратные или широкие, как для удобства, так и для большего изящества, поскольку при этом ступня лучше заполняет стремя, за счет чего оно становится по ноге. Что же касается шпор, то лучше всего пользоваться так называемыми дамнвильскими – изобретением покойного Господина Коннетабля. Я не одобряю шпор с большими репейками, а только на шести скругленных зубцах, вытянутых на концах наподобие кегли, каждый длиной в палец. И я лишь добавлю (СИР), что мне хотелось бы, чтобы мой Ученик был одет так же, как Господин де Бельгард, старший конюший Вашего Величества, тот, что стоит подле Вас и служит при Вашем Дворе зеркалом и добродетельным образцом, пешим и конным, всем опрятным и любопытным всадником.

Король

Перейдем к наставлениям вашему Ученику. Чего бы вы желали от него в первую очередь?

Плювинель

Чтобы он был красиво сидящим на лошади наездником.

Король

В чем для вас различие между красиво сидящим на лошади наездником и хорошим верховым ездоком?

Плювинель

Оно очень велико, (СИР), можно запросто быть хорошим верховым ездоком и не быть при этом красиво сидящим на лошади наездником: однако же можно быть красиво сидящим на лошади наездником и не быть при этом хорошим верховым ездоком. Потому что человеку достаточно как следует с головы до ног разместиться на лошади, чтобы его называли красиво сидящим на лошади наездником. И тот, кого мы видим едущим только шагом, может называться красиво сидящим на лошади. И если он достаточно крепок, чтобы исполнить более серьезный элемент, сохранив красивую посадку, он всегда будет иметь репутацию красиво сидящего на лошади наездника, притом что лошадь, пусть даже хорошо обездвиженная, ничего особенного не делает. Потому что, если человек всегда сохраняет хорошую посадку, мы осудим скорее лошадь, чем его самого, и только знатоки распознают, в чем тут дело, ведь многие и представить себе не могут, что человек может сидеть прочно, с хорошей посадкой, и не быть при этом хорошим верховым ездоком. Так что для того, чтобы достичь совершенства в науке, нужно начать, продолжить и закончить хорошей посадкой Всадника, потому как куда приятнее видеть красиво сидящего на лошади наездника, не знающего науки, чем наездника весьма знающего, но не изящного. Но чтобы практически быть хорошим верховым ездоком, нужно и в теории, и на практике овладеть приемами того, как обездвиживать самых разных лошадей на самых разных эрах и в самых разных манежах; как понимать их силы, их склонности, их привычки, их достоинства и недостатки, их природу в полной мере; как на основе всего этого составлять суждение о том, на что лошадь способна, чтобы браться с ней только за то, к исполнению чего она расположена. А располагая этим знанием,

начинать, продолжать и заканчивать урок терпеливо, рассудительно, мягко, соразмеряя силу, чтобы в конечном итоге прийти к тому, к чему стремится хороший верховой ездок. Подобные качества встречаются в человеке вообще, и мы вполне можем ценить их в хорошем верховом ездоке.

Н Плювинель откровенен. Он довольно прямо заявляет королю, что мастерство всадника и красивая посадка – разные вещи. Более того, он очевидно настаивает, что юному королю нет необходимости вникать во все тонкости науки, достаточно лишь производить должное впечатление, сидя в седле.

Естественно, и в страшном сне не могло никому примерещиться, что король Франции будет готовить сам себе лошадей. Откровенно говоря, Плювинель мягко намекает королю на его кукольную роль.

Настоящие Мастера Школы, готовящие лошадей, как правило, особым изяществом посадки не отличаются.

Декоративность посадки и удобство лошади – редко сочетаются. Притом Мастер привыкает следить за выносом ног, за движениями плеч лошади, постоянно коситься назад, сканируя работу мышц крупа. Все это разрушает ту парадную деревянность, которую и по сей день считают красивой или изящной. Бездумность посадки – одна из обязательных составляющих ее «красоты». А Мастер, сидя на лошади, не может позволить себе этой «бездумности».

Красивая посадка, по мысли Плювинеля, – примета чисто «декоративного» всадника. Возможно, вывод и вольноват, но он напрашивается.

Король

Прежде чем ознакомиться с конкретными приемами, при помощи которых можно сделаться хорошим верховым ездоком, я бы хотел услышать от вас, как следует держаться на лошади, чтобы приобрести качества красиво сидящего на лошади наездника.

Плювинель

СИР, говоря с Вами об этом, я нахожу уместным привести в качестве довода то, что мне не найти лучшего примера, чем Господин маркиз де Терм, который, смею заверить Ваше Величество, обладает всеми необходимыми для красиво сидящего на лошади наездника и хорошего верхового ездока составляющими. И я был бы счастлив, если бы Вы смогли последовать примеру того, кто среди всех, кого я знаю, не только достиг совершенства, но и является самым просвещенным в том деле, о котором я говорю. А вот, кстати, и он – верхом приближается к Вашему Величеству.

Король

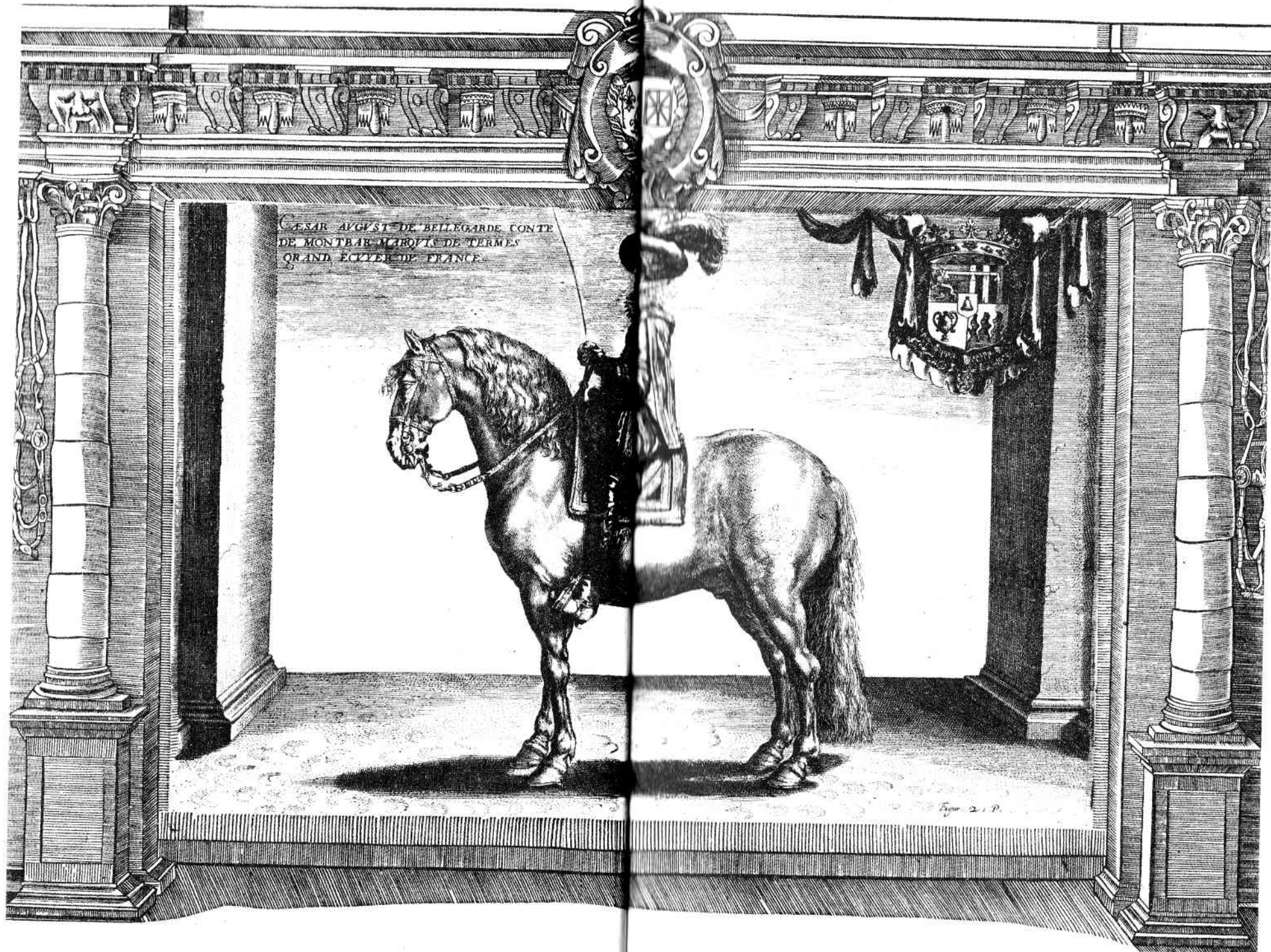
Господин де Терм, остановитесь вот здесь, передо мной, чтобы Господин де Плювинель на вас показал мне те красивые и правильные положения тела, что необходимы в той науке, которую я хочу изучить.

Господин де Терм

СИР, для меня и большая честь, и счастье удостоиться быть признанным первым в этой области, чтобы показать то, что желает Ваше Величество, и то, чему Господин де Плювинель так старательно меня научил.

Плювинель

СИР, здравомыслие и прекрасные способности, которые я встретил в Господине де Терме, помогли ему стать таким, каким я описал его Вашему Величеству, за столь короткое время, что это почти невероятно. Поскольку могу заверить Ваше Величество, что менее чем за два года он достиг всего того совершенства, какое только возможно в этом искусстве. Будьте добры обратить Ваше внимание, СИР, на то, каково положение его тела, с головы до ног, как он левой рукой держит поводья: большой палец сверху, а мизинец снизу между двумя, чтобы их разделить. Как правой, разогнутой, рукой он поднимает концы поводьев кверху, чтобы

CÉSAR AUGUST DE BELLEGARDE COMTE
DE MONTRAR-VAROTTE DE TERMES
GRAND ECUYER DE FRANCE

как следует ухватить узду рукой, дабы она не была ни слишком длинной, ни слишком короткой. А потом заметьте, как он сжимает повод левой рукой и возвращает ее на место, которое находится примерно на три пальца выше поммо (*le pommeau*) хорошо сделанного седла. И отметьте веселость его лица, поскольку это один из важных для Всадника моментов – иметь лицо смеющееся, и временами взглядывать на общество, зря туда-сюда не вертаться; и эта веселость дает понять, что он несколько не стеснен тем, что делает. Обратите также внимание на то, каким образом он сидит непосредственно в седле, касаясь только его центральной части, держась так, чтобы не коснуться задней седельной луки, стараясь не сесть, поскольку нужно быть таким же прямым, как когда он на ногах, каким Вы видите сейчас. Заметьте, как четко расположены оба его плеча, как подан вперед его живот и как чуть прогнута спина у пояса. Окиньте взглядом оба его локтя, непринужденно отведенные от тела на равное небольшое расстояние, и на его правый кулак, который находится всего в четырех-пяти пальцах от левого и в котором он держит хлыст за рукоять так, что она полностью в нем скрыта, а кончик устремлен прямо к небу с небольшим наклоном к левому уху лошади. Посмотрите на положение его поданных вперед ног и на носок, четко установленный в стремя, расположенном рядом с плечом лошади; на то, что пятка стоит довольно низко и развернута наружу так, что можно увидеть подметку его сапога. Потому что есть две вещи, которые надо знать тем, кто, как и мы, держит узду левой рукой и не может сделать слишком много. Одна из этих вещей состоит в том, чтобы выдвигать правое плечо вперед, а другая – в том, чтобы опускать и разворачивать пятки наружу и тем самым держать колесца шпор на расстоянии от живота лошади, чтобы, разогнавшись, она на них не напоролась. Это называется «напороться на шпоры», и, когда такое случается (помимо того, что Всадник выглядит невязанно), возникает ужасная неразбериха. Кроме того, посмотрите на сжатые изо всех сил колени. Да соблаговолит Ваше Величество запомнить, что по-другому мы на лошади не сидим и что мы должны сопровождать это положение балансировкой тела, продиктованной ситуацией. Вот (СИР) положение тела, которого бы я желал от моего ученика, чтобы его считали красиво сидящим на лошади наездником, и которое ему следует сохранять, что бы ни сделала его лошадь, если только он ею

не правит, потому как необходимо менять время от времени маневры: с руки с уздой на руку с хлыстом. Да соблаговолит Ваше Величество получить подтверждение тому, как, повертывая правой рукой, он держит левую руку ногтями вверх, при этом хлыст у него свисает вдоль шеи лошади, чтобы (в случае необходимости) хлестнуть им по левому плечу, дабы подбодрить ее, если она ленится, при этом не поднимая локоть и не меняя местоположения кулака. Посмотрите и на левую руку: как прямо он держит эту руку, слегка натягивая с левой же стороны и показывая лошади хлыст с правой, у ее правого глаза, чтобы дать ей понять, что он намерен повернуть в другую сторону. И поскольку этого недостаточно (как видит Ваше Величество), он хлестнул ее по правому плечу и ударил сапогом по животу всего лишь раз или два. А кроме того, он натянул стремяна на соразмерную длину так, чтобы Ваше Величество все время могло видеть его опирающимся на центр седла и лошадь не испытывала никакого неудобства в момент, когда он ею правил, а он не сменил своей хорошей посадки.

Здесь Плювинель относительно искренен. По крайней мере он, действительно, не лукавя, перечисляет принципы настоящей Школьной посадки, обращая особое внимание на недопустимость СИДЕНИЯ в седле. Садиться в седло можно лишь на мгновение, на курбетах или песадах. Плювинелем подчеркивается прямота ног и недопустимость движения поясницей. Кстати, с поясницей здесь все окончательно встает на место. Для того чтобы ею «двигать», или «работать», как предписывает, к примеру, современный конный спорт, то есть совершать странные, абсолютно непристойные, фрикционные движения, елозя причинными местами по седлу, стараясь попасть в ритм движения лошади, а на самом деле лишь мешая лошади двигаться, – необходимо либо действительно «сидеть», либо крепко упираться в стремяна подошвами. И то и другое недопустимо при Школьной посадке.

Всадник должен как бы висеть над лошадыо, не упираться ни в седло, ни в стремяна.

Закрепощенность пятки, которую он предписывает, объясняется неизбежностью и огромностью шпор того времени. Вообще-то пятка должна быть примерно там же, как если бы всадник сидел вовсе без седла.

Чуть позже появилась методика, предписывающая изменять направление движения нажимом на стремя. Только в момент изменения направления пятка уходит вниз. Но это произойдет позже.

В плювинелевское время пятка была еще закрепощена. Отсутствие шпор абсолютно освобождает ноги, дает им свободу, маневр, легкость и естественность их положения. Размышления о способе держания поводьев я опускаю, ввиду их абсолютной неактуальности в сегодняшней Школе, где «железо» выведено из употребления полностью, а следовательно, никакой «работы» поводом и быть не может.

Очень хвалимый Плювинелем маркиз де Терм, судя по всему, полный идиот, который, сохраняя на лице дебильную улыбку, лупит хлыстом лошадь, хотя совершает, судя по описанию его посадки, простой манежный променад.

Применение хлыста во время исполнения любого, даже и сложного элемента тоже недопустимо, но имеет хоть какое-то техническое (с точки зрения низкой школы) основание и объяснение. В современной Школе любое применение хлыста уже недопустимо.

Лупцевание хлыстом на простом дефилировании, да еще и в момент презентации собственной посадки, говорит о маркизе просто как о слабоумном.

Вообще, надо сказать, что с дремучих времен Плювинеля требование «сделанной улыбочки», и уже в силу этого абсолютно фальшивой, – дошло до наших дней.

Мерзко «лыбятся» девочки-выездницы, фальшиво скалятся конкурщики. Девочки еще любят показательно, по-козлиному, трясти головой, вероятно, для демонстрации собственной «расслабленности». Выглядит это забавно – при совершенно деревянном тельце башка болтается так,

будто шея уже сломана или ампутированы позвонки шейного отдела. При этом барышни похотливо елозят промежностью своего одеревеневшего тельца по седлу, что почему-то называется «работой поясницей», хотя это скорее усиленная работа половыми органами, а не поясницей.

На самом же деле всяких «улыбочек» надо тщательно избегать. Выражение лица всадника, как и все его существо, должно быть «обращено к лошади», а не к публике. Выражение лица всадника может лишь комментировать движение лошади. При правильной работе всадника – у него должно быть чуть задумчивое, чуть ироничное выражение, но очень сосредоточенное, очень «погруженное» в себя и в лошадь.

Людей, которые, сидя верхом, выражением своего лица «обращены к публике», а не к лошади, – следует сразу ссаживать и выгонять из манежа навсегда.

Поммо – от фр. «яблоко» – круглый набалдашник на высшей точке передней луки седла того времени. Элемент декоративный, но, возможно, спасший распутную Францию XVII века от демографического взрыва.

Король

Я очень хорошо понял то, что вы только что сказали. Но я хочу знать, какого именно порядка вы придерживаетесь, чтобы плодотворно обучать своих учеников тому изяществу, которое я вижу и в них, и в вас самом. А также, что вы делаете для того, чтобы ваши лошади стали искусными в управлении и приобрели ту исключительную легкость, которую я наблюдаю во всех, кого вы воспитали в вашей школе.

Плювинель

СИР, нет ничего невозможного в том, чтобы воспитать человека и лошадь вместе, даже если оба несведущи. Тем не менее, так как это сложнее, если у меня есть возможность, я более склонен первым воспитывать человека, и я скажу Вам, почему. Поскольку Всадническая наука не всегда

была столь совершенна, сколь сейчас, начинающим было легче приводить своих лошадей, потому как наши прадеды использовали их только для езды шагом, рысью и для того, чтобы скакать без седла, с каким-то пинурком или уздечкой во рту вместо сбруи, как это делают и сейчас почти все варварские народы. Потом те, которые слегка продвинулись вперед, научились пускать их галопом, изо всех своих сил, во всю прыть, не соблюдая никаких правил ни в отношении себя, ни в отношении своих лошадей. Но с той поры, как мы научились подгонять седло и узду к лошади, чтобы придать Всаднику красивую и правильную посадку, а лошади — хорошую позицию, обязывая ее слушаться человека в шаге, рыси, галопе, тер-а-тере, курбетах, крупадах, каприолях, ложном шаге (иноходии), либо вперед, либо назад, боком, на месте, на вольтах; побуждая выполнять все эти действия в любой удобный Всаднику момент, терпеть и сносить маневры и наказания не то чтобы без беспокойства или не выказывая злобы, но без гнева и неразберихи. Я подумал, что для сокращения совершенно необходимо начинать с воспитания человека и учить его чувствовать все движения лошади в шаге, галопе, на скаку, на любых араках. А также хорошей и четкой опоре руки, осмотрительности в выборе маневров и тому, как надо ими пользоваться и когда нужно прибегать к наказаниям. Я предположил, что достичь всего вышеперечисленного, равно как уверенности и правильного положения тела, которых я желал бы от Всадника, можно, посадив его для начала на обездвиженную лошадь, чтобы он досконально изучил все то, о чем я только что сказал. А потом, когда он все это узнает, он сможет легко определять хорошее и плохое в том, что выполняет под ним необученная лошадь, и приласкать ее за хорошее или наказать за плохое. Достичь этого иными путями ему было бы очень сложно, поскольку необученная лошадь, учинив в гнев или из-за чего-то другого беспорядок, очень часто подвергает малоосведомленного всадника опасности быть покалеченным или, в лучшем случае, причинив ему неудобство, усваивает очень плохие привычки. Вот почему (СИР) я хотел бы начинать с воспитания человека — и для того, чтобы избежать опасностей, которым он может подвергнуться, если я посажу его сначала на молодую лошадь, и для того, чтобы помешать лошади научиться под ним плохому. Так как основное правило состоит в том, что, по возможности, никогда не следует рисковать человеческими жизнями ради упражне-

ний для удовольствия. Не нужно также позволять им приобретать дурные привычки. Почти невозможно помешать человеку и лошади, если оба они не осведомлены, усвоить дурные манеры. И нередко уберечь человека от опасности может наличие у него большого опыта вкупе с умением оценить ситуацию, а также бдительность того, кто за ним присматривает.

Король

Я полностью согласен с приведенными вами причинами, по которым вы предпочитаете сначала воспитывать человека и делать это таким образом, чтобы хорошо обездвиженная лошадь обучала его всему тому, что ему необходимо, чего он сам пока не знает. Но начнем понемногу рассматривать избранный вами метод, благо у вас есть достаточно осведомленный человек, который будет работать перед вами и выполнять то, что вы ему прикажете, с тем чтобы научить лошадь всем этим правилам. И не преминете рассказать мне, как вы обучали вашего ученика на обездвиженных лошадях, чтобы он смог выполнить все то, что вы ему прикажете на тех лошадях, которые этого не умеют. Пусть с этого момента и до конца обучения человек и лошадь показывают мне все то, что я пожелаю.

Господин Ле Гран

СИР, я хорошо знаю, что Господин де Плювинель сказал Вам правду о том, что необездвиженная лошадь скорее научится под знающим человеком, чем под тем, который ничего не знает или знает совсем мало. Тем не менее, с тех пор как я с ним знаком, я нередко видел, как он практикует обратное, заставляя работать на несноснейших лошадях именно самых юных, 13–14-летних Пажей Вашего Величества или учеников своей Школы такого же возраста, и при этом не боялся того, что произойдет несчастный случай. А ведь это Дворяне лучших Семей Вашего Королевства, чья жизнь ему слишком дорога, чтобы безрассудно подвергать ее опасности. А потому (СИР) я вижу здесь преимущество его метода. Поскольку воистину: тот, кто посадит ребенка без всякого понятия на лошадь незнающую, несносную и себе на уме, чтобы работать с ним теми же методами, какие практикуют все, рискует тем, что ребенок живым с этой

лошади не сойдет. И потому я говорю, что было бы очень кстати, если бы Господин де Плювинель разъяснил, как такое возможно.

Ну Ле Грана – особая функция в этой книге. Любая банальщина или откровенная глупость сразу вкладывается ему в уста. Для потомков формируется почти безупречный образ дурака. Плювинель терпеть не мог Ле Грана и очень натерпелся от его чванства и интриганства. Отомстить «в реале», разумеется, не мог, посему избрал иной, довольно эффективный способ отмщения.

Плювинель

СИР, слова Господина Ле Грана о том, что для меня не составляет труда сажать малых детей на самых необученных и несносных из всех известных мне лошадей, справедливы. Совершенно справедливо также и то, что самые знающие из учеников в этом не настолько хороши, чтобы безупречно прийти к тому, чего мы желаем. Тем не менее я делаю это осторожно, так, чтобы и человек, и лошадь могли извлечь из этого пользу. Однако ж это не должно предприниматься без полного знания способностей обоих и без понимания того, что может выдержать человек, не испытывая неудобства. Необходимо также предвидеть действия лошади, чтобы, если Всаднику не по силам будет с ней справиться, благодаря такому знанию избежать возможных несчастных случаев.

Король

Я очень хотел бы услышать от вас о том, что собой представляют такие сложные вещи, как знания и предвидения подобного рода.

Господин Ле Гран

СИР, я скажу Вам то, что я узнал об этом от Господина Плювинеля: чтобы хорошо узнать способности и природу юного ученика, нуж-

но наблюдать за ним, дабы составить представление о нем по его виду, говорить с ним, понять, как он мыслит, и посадить его на ту лошадь, в которой мы уверены, чтобы узнать его силу, его природную крепость. Равно как нужно пристально смотреть лошади в глаза, дабы определить ее нрав, ее наклонности; спокойно, крепко, и даже сурово заставить ее двигаться, чтобы выявить ее силу, ее гнев, если он присущ ей, как она его проявляет, как сопротивляется; ее действия перед тем, как выйти из себя, ее действия в гневе и то, как она ведет себя, когда успокаивается. И это для того, чтобы с учетом этих знаний подобрать под пару человека и лошадь, чтобы из этого получилось только хорошее. И смею обратить внимание Вашего Величества на то, что для достижения подобного совершенства нужно, чтобы тот, кто обучает и кто хочет практиковать эту методику, был полон терпения и благоразумия одновременно. Две вещи, о которых Господин де Плювинель может сказать Вам в двух словах.

Плювинель

СИР, Господин Ле Гран очень хорошо ознакомил Вас с тем, почему безо всякого риска я иногда заставляю работать самых разных лошадей, какими бы несносными они ни были, с самыми юными из моих учеников. И очень хорошо сказано, что тому, кто учит, нужно быть очень терпеливым и благоразумным, но применять эти две вещи на практике нужно осмотрительно. Ведь если человек позволяет многочисленные сумасбродства и бесчинства своей лошади без всякой причины (потому как иногда нужно позволять подобное, исходя из ситуации) и не наказывает ее, то такого человека следует называть невежественным, а не терпеливым. Как и того, кто бьет свою лошадь без нужды, за малейший проступок, когда достаточно было бы лишь маневра, движения шпорами, поводом, кавессоном, и не пытаюсь предпринять что-то другое, чтобы привести ее в чувство, когда она совершает незначительные ошибки, а наказывать, когда она допустит серьезные. Я и такого с уверенностью назову гневливым, невежественным и неблагоразумным. Поскольку благоразумие состоит в том, чтобы точно наказывать, бить, мучить лошадь ко времени, и ни в каком другом случае, что я надеюсь продемонстрировать Вашему Величеству после этого разговора.

В этом фрагменте любопытно подтверждение почти не-пременного участия кавессона (медиаканы) на всех этапах обучения. Кавессон (медиакана) – железный нахрапник с острыми зубьями, направленными к храпу лошади, и с кольцами для дополнительных поводьев. Занятно, что и совсем неопытным всадникам не возбранялось надевать кавессон. Впрочем, что более вероятно и что подтверждается гравюрами де Па, Плювинель имеет в виду веревочный кавессон, нахрапную конструкцию из очень грубой веревки, которая иногда просаливалась для жесткости и которая позже, несколько видоизменившись, получила название босал.

Король

Рад, что до того, как перейти к практике, услышал от вас эти доводы. Но думаю, будет нелишним, если вы расскажете мне о том, какие лошади наиболее пригодны для войны, а какие для манежа, и о том, какими они должны обладать качествами, чтобы среди множества лошадей я сам мог определить лучших, поскольку я не хочу пренебрегать каким бы то ни было знанием.

Плювинель

СИР, многие провинции поставляют нам лошадей. Больше всего у нас лошадей из Италии, где породы сейчас в основном утеряны или настолько выродились, что по-настоящему хорошие лошади к нам оттуда больше не поступают. Испанские встречаются у нас редко, но и те, что к нам попадают, не лучшие. Лошадей из Турции у нас так мало, что и не будем о них, хотя они воистину превосходны и куда лучше тех, которых я перечислил. Берберийские лошади у нас более распространены, обычно это хорошие и вполне годные на что-то лошади. Есть лошади и из Германии, Фландрии и Англии, но для меня, СИР, те лошади, которые рождаются в Вашем Королевстве, не хуже, а то и лучше тех,

которых привозят к нам отовсюду из-за границы. Потому как я видел превосходных лошадей из Гаскони, Оверни, Лимузена, Пуату, Нормандии, Бретани и Бургундии. И если бы Князья и Знать Вашего Королевства заинтересовались тем, чтобы вывести породу лошадей, нет в мире другого такого места, где лошади были бы столь же хороши, поскольку я заметил, что те лошади, которые рождаются здесь, обладают всеми прекрасными качествами, необходимыми красивой и хорошей лошади. А что до меня, то меня нисколько не волнует, из какой страны лошадь, если я вижу, что она хорошего роста, с хорошими ногами, сильная, легкая, добрая и смирная по природе. Тем не менее я очень хорошего мнения о берберийских лошадях для Манежа из-за того, что в управлении они ловки, проворны, грациозны, как никакие другие лошади. Свидетельством тому (СИР) – вот этот гнедой бербериец, которого Господин Ле Гран выбрал для Вашего Величества, бесспорный бриллиант среди всех манежных лошадей мира, поражающий как своей красотой, так и тем, как великолепен, покладист, точен и ловок он и в рыси, и в курбетах. Неспроста зовется он Ле Боннит.

Господин Ле Гран

СИР, у Господина де Плювинеля есть все основания показывать Вам этого коня как шедевр. Ведь, действительно, когда покойный Господин де ля Бруэ, бывший великолепным наездником, показал его покойному Господину Коннетаблю, оба они пришли к заключению, что конь никогда не сможет выполнять курбеты по причине своего нетерпения и ненадежной головы, поскольку из-за своих нежных десен и подбородка, под которым проходит гурметт, он с большим трудом терпел и этот гурметт, и сам мундштук. Да к тому же он такой чувствительный во всем, что стоило лишь притронуться к нему снизу, как он тут же выходил из себя. Но несмотря на подобное заключение, сделанное этими блестящими людьми, Господин де Плювинель заверил меня, что он берется довести коня до такого совершенства, какого только способна достичь лошадь. Поскольку до того я не раз получал доказательства его способностей, мне ничего не оставалось, как оставить ему моего коня, чтобы он обучил его и объездил по своему усмотрению, чем он и занялся. Он работал с ним со

всем своим терпением и мастерством, он выправил ему голову и научил его безупречному подчинению руке, надевая на него в разных ситуациях множество всевозможных цепочек. Одна была из совсем тонкой шелковой ленты, другая – из заплетенной в косичку шелковой тесьмы, третья – из козлиной кожи, четвертая – из сафьяна, пятая – из толстой коровьей кожи, шестая – сплетенная из железных звеньев (жазеран), а последняя, в которой он сейчас служит Вашему Величеству, точно такая, какие Вы обычно видите у лошадей. Несколько дней спустя он показал мне его в Фонтенбло. Он заставил коня выполнить курбет направо, потом два вольта с правой руки, два вольта с левой руки и два вольта с правой руки, все шесть на одном дыхании, не выходя за пределы круга с диаметром чуть больше длины тела лошади. Потом он направлял его вперед, назад, в одну сторону, в другую и на месте, и тот выполнял курбет в сторону с менкой прямо в воздухе и опускался на другую сторону столько раз, сколько Всаднику было угодно. Я тут же назвал этот прием Боннитова Сарабанда (танец с кастаньетами), ведь мы никогда ничего подобного не видели – только в его исполнении, когда верхом был Господин де Плювинель. А напоследок он заставил его исполнить изумительные проходки приподнятой рысью, в которых каждое движение лошади было исполнено красоты и изящества, и все это в присутствии Господина Коннетабля, чьему восхищению, при виде столь полного и четкого повиновения во всех этих Приемах (вопреки сделанному им до этого заключению), не было предела.

Боннита жалко. Понятно, что у коня была острая невралгия и лицевого, и тригеминального нервов. Плювинель, совершенно не зная о существовании тригеминального нерва (так как ля Бруэ, вскрывая рты мертвых лошадей, смотрел только кости челюстей, мягкие ткани, слизистую, язык и губы, и, вообще, в то время патологоанатомических исследований нервной системы еще не было), тем не менее, почувствовал особую болезненность рта и, как мог, смягчал главный раздражитель тригеминального нерва – цепочку (гурметт).

Король

Редкие качества этой лошади, о которых вы мне говорите, вызывают во мне нетерпеливое желание в подробностях узнать, каким же путем Господин де Плювинель пришел к тому, чтобы так хорошо объезжать лошадей, делая их столь ловкими во всех упражнениях, выполняемых ими с той невероятной легкостью, по которой я сразу узнаю лошадей, воспитанных в вашей Школе. Спросим же, что он об этом думает.

Плювинель

СИР, убедившись на практике и по опыту, что лошадь не может называться объезженной, если она не слушается руки и шпор беспрекословно, чтобы подчинить моих лошадей разуму, я ставлю перед собой лишь эти две цели. И я, без сомнения, считаю очень хорошо объезженной всякую лошадь, которая послушна поводу, *qui se range de ça et de là*, поднимается на передних и на задних ногах по воле Всадника. Кроме того, она должна быть точной в исполнении, сообразно своей силе и энергии. Итак, мой метод привел меня к мысли о том, что на достижение этих двух целей потребуются более половины всего времени. Но так как для того, чтобы добиться совершенства в этом искусстве, важно определить, с чего нужно начинать, я счел наилучшим давать первые уроки лошади, обучая ее тому, что для нее сложнее всего, развивая скорее ее мозг, чем бока и ноги, стараясь по возможности сделать так, чтобы она не заскучала, и не убить в ней приветливости и доброжелательности, поскольку эти качества у лошади подобны цветкам фруктового дерева: единожды сорванные, они не вырастут вновь. Так и они: однажды утраченные, у легких, полных огня лошадей могут быть восстановлены лишь с трудом, у немецких же – ни при каких обстоятельствах. Непременная истина такова: у того, кто работает неосмотрительно, лошадь либо лишится приветливости и доброжелательности, либо приобретет неисправимые пороки. Например, зная, что самая большая сложность для невыезженной лошади – это делать пируэт, чтобы исполнить хорошие вольты на коротком галопе (в тер-а-тере), я с этого начинаю урок,

и потом, вложив ей в рот уздечку, чтобы она постепенно привыкала к мундштуку и надев на нее веревочный кавессон моего изобретения, такой (СИР), какой Вы видите на этой лошади, я привязываю две крепкие веревки, велью их держать одному человеку, а другой (с палкой, к которой привязан длинный кожаный ремень и которую я называл шамбриер, в руках) заходит сбоку и, пугая лошадь, вынуждает ее двинуться вперед и повернуть на длину веревок так, чтобы круп оказался за пределами круга. При этом голова ее все время остается в вольте, и лошадь вынуждена смотреть в центр, приобретая очень хорошую привычку – смотреть в свой след и тем самым *ne se rendre jamais entier*.

А вот тут прямое подтверждение моего предыдущего наблюдения – Плювинель пытался заменить стандартные кавессоны (медиаканы), т.е. стальные и бронзовые, на веревочные, как он гордо подчеркивает, собственного изобретения. Причем, в отличие от Пата Парелли, который легко сообразил, что, чем веревочка на храпе тоньше, тем она болезненнее, Плювинель, судя по гравюрам, использовал предельно толстую веревку.

Вообще, у него (Плювинеля) постоянно видна тенденция – смягчать, смягчать, смягчать любые средства управления. Он словно понимает, что, чем больше он смягчит, тем скорее и качественнее будет результат. Сам он по этому пути прошел недалеко, но ИМЕННО ОН его наметил и указал.

Господин Ле Гран

СИР, Господин де Плювинель прав, говоря Вам, что самая большая сложность для лошадей – это делать круг. Я часто доставлял себе удовольствие погонять в манеже Вашей главной Конюшни молодых лошадей без седла и узды.

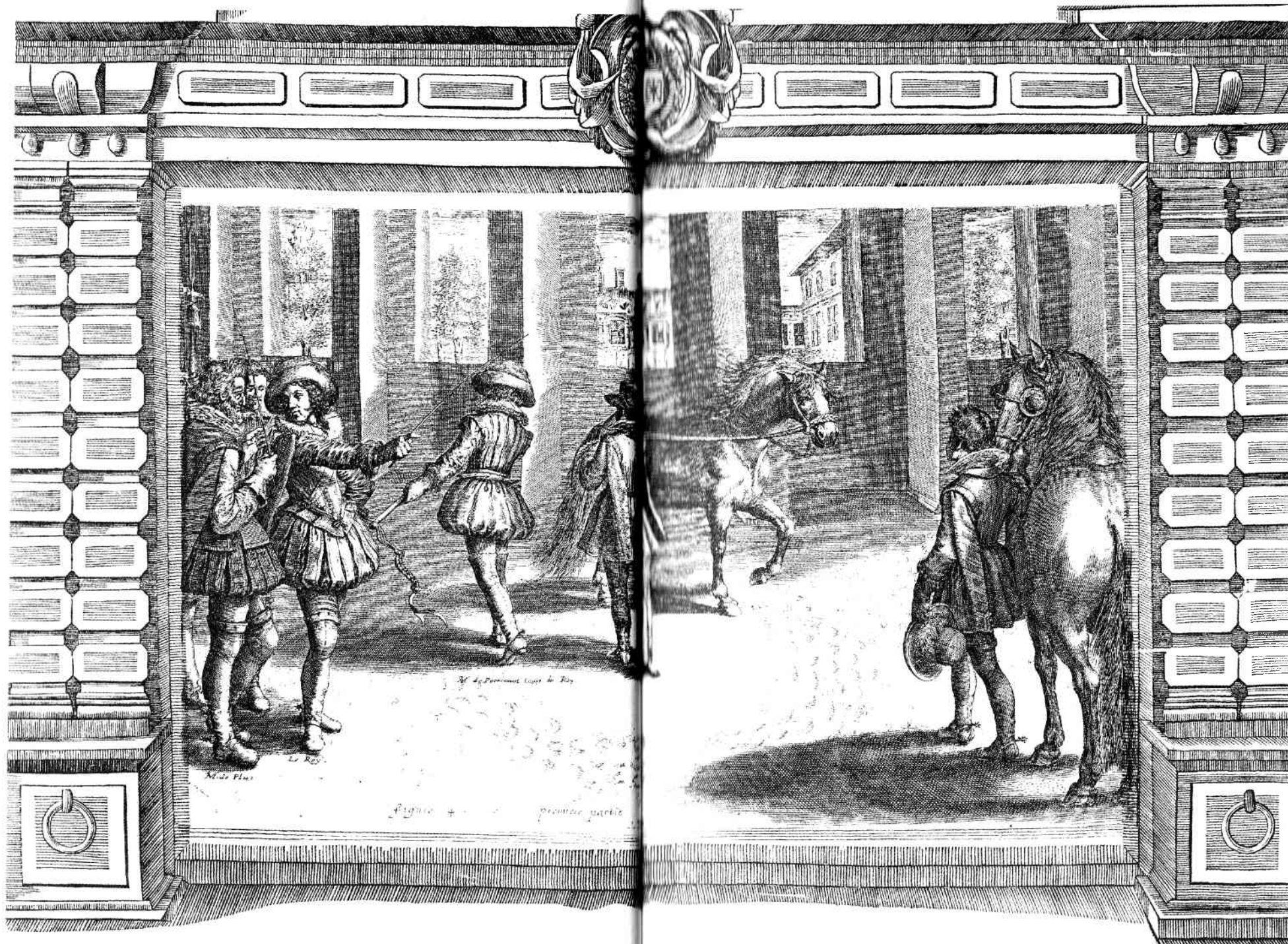
Они, резвясь, пускались вскачь, как только опустишь поводья, и, остановившись на задних ногах, брали четверть вольта или половину, но пол-

ный оборот – никогда. Иногда они для собственного удовольствия делали два-три курбета вправо, другие – те, что полегче и посильнее, и каприоли, и баллотады. Это заставило меня поверить в то, что у каждой лошади от природы своя поступь, в которой она способна преуспеть в большей степени, и что главная сложность для нее – это делать пируэт.

Плювинель

СИР, в том, о чем Господин Ле Гран только что рассказал Вам, заключена причина того, почему я начинаю свои уроки с самого сложного для лошадей – с выполнения пируэта, заставляя их обходить вокруг столба, как это только что было мною описано Вашему Величеству. Два-три дня они ходят шагом, и бить их не следует, потом десять – двенадцать – рысью. Лошадь показывает нам, какова ее природа, сила, склонности, приветливость и доброжелательность, а также все, что может в ней проявиться, и это позволяет нам составить представление о том, на что она будет способна, как следует ею править. Куда легче составить такое представление, когда лошадь удерживают и ей не вырваться. В этом случае у нас есть возможность рассмотреть все ее движения лучше, чем когда она предоставлена самой себе и на спине ее – человек, потому как поначалу естественным желанием лошади, если у нее есть власть и нет особых препятствий, будет применить всю свою силу и ловкость, чтобы защититься от человека. И если работать с лошастью не по моему методу, а по какому-нибудь другому, сделать ей это будет несложно. В то время, когда лошадь ходит шагом и рысью, нужно стараться не подгонять ее, пока она не научится делать это легко и не привыкнет высвобождать ноги. Иначе есть риск, что ее передняя нога (та, что внутри вольта) ударит другую ногу, и боль вынудит лошадь сделать попытку защититься от того, что эту боль причинило, и помешает ей слушаться. Когда же она освоится в шаге и рыси (свидетельством чему будет ее веселость и свободная поступь, а также то, что выполнение этого действия не будет больше составлять для нее труда), можно будет, либо припугнув лошадь, либо ударив шамбриером, подбодрить ее перейти в галоп. Когда она освоит и его, надо будет поддать жару и, тем самым, заставить ее, поднявшись на задние ноги, нести себя, а потом некоторое время идти коротким галопом (тер-а-тером). Мудрый и благоразумный Всадник будет действовать

в этом, исходя из приобретенных им знаний о своей лошади, и все же я бы хотел дать совет выполнять этот урок скорее по езде с правой руки, чем с левой, поскольку я заметил, что абсолютное большинство лошадей, если не все, более склонно делать пируэт с левой руки, а не с правой.

Король

Есть ли причины, по которой они более охотно делают пируэт по езде с левой руки?

Плювинель

СИР, есть такие, которые пытались найти причину этого в том, что происходит до рождения лошади. Одни уверяют, что в животе матери жеребенок весь сложен влево. Другие говорят, что это из-за того, что лошади чаще всего спят на левом боку, что заставляет их сгибать шею и наклонять голову влево. Но я не верю ни одним, ни другим, поскольку вся эта отвлеченная Философия меня не занимает, и я придерживаюсь того, что вижу сам, и могу заверить Ваше Величество в том, что только обычай вырабатывает в них эту дурную привычку. Она возникает у них, как только их отнимают от матери и привязывают на Конюшне. Во-первых, недоуздки, уздечка, повод, седло и подпруги надеваются слева. Конюх почти всегда начинает чистить лошадь или кормить ее с одного и того же бока. И все служители, будь то Конюхи или какие другие (если они не левши), всегда ведут лошадь правой рукой, а потому тянут ей голову влево.

Король

Я все прекрасно понял и полагаю, что вы правы, начиная урок с вашими лошадьми с вольтов на правую руку как с самого сложного. Но не желая бить лошадь, вы тем самым предполагаете, что любая лошадь должна с легкостью подчиниться. А если вдруг произойдет обратное (так как характеры у них разные – и добрые, и злые), к чему тогда следует прибегнуть?

Далее – очень важный фрагмент, читать внимательно.

Плювинель

СИР, когда я сказал, что, по упомянутым мной причинам, надо стараться не бить лошадь поначалу, я добавил тогда: если это возможно. Теперь же я утверждаю, что бить не следует совсем – ни поначалу, ни в середине, ни в конце (если можно от этого удержаться), поскольку нужно действовать скорее лаской (если есть возможность), чем строгостью. Ведь лошадь, которая слушается из удовольствия, куда изящнее в движениях той, которая понуждается силой. К тому же, когда лошадь принуждают, чаще происходят несчастные случаи и с лошадью, и с человеком. С человеком, потому как он рискует поранить себя, если не рассчитает силу. Лошадь же к тому же утрачивает свою приветливость и доброжелательность, портит себе ноги и в дальнейшем не сможет ими пользоваться как следует. Но поскольку французы по духу отличаются от других народов, каковы бы ни были от природы их лошади, слабые ли они, неловкие ли, недоброжелательные ли, они, не считаясь со всем этим, хотят, чтобы их объездили. Я подумал, что, прежде чем перейти к следующему моменту, мне следует сказать Вашему Величеству несколько слов собственно о природе лошадей. Во-первых, могу с уверенностью утверждать, что я заметил в тех местах за пределами этого Королевства, где побывал, в том числе и в Италии, где Всаднической науке всегда уделялось большое внимание, в отношении лошади, не обладающей всеми необходимыми качествами, чтобы быть послушной, ничего не предпринимают. И если лошадей уличают в чем-нибудь подобном, будь то гнев, нетерпение, злость, трусость, лень, «плохой рот», то, какими бы красивыми они ни были, ничего не предпринимают, а просто отправляют на каретный двор. Что совсем не понравилось бы французам, которые обвинили бы в незнании Конюших, отправьте таким же образом их лошадей. Случай заставил меня (СИР) стара-

тельно изыскивать способ, который я применяю для того, чтобы укротить многих приводимых ко мне лошадей, из которых большинство имеет перечисленные выше дурные качества. И скажу без хвастовства и самонадеянности: если бы я не выработал свои правила, более определенные и куда более лаконичные, чем все те правила, которые я узнал до того, я остался бы верен большинству правил Батиста Пиньятеля (Пигантелли), Неаполитанского Дворянина, самого блестящего из всех искусных наездников как нашего столетия, так и предыдущего, у которого я научился многому из того, что я знаю, за те шесть лет, что я провел рядом с ним. И, поскольку единственное, чего мне всегда недоставало, — это времени, я постарался по возможности сократить его правила, чтобы обучать людей и лошадей, и благополучно в этом преуспел. Я могу продемонстрировать, что мои правила — одни из самых лаконичных и что они настолько же определены, насколько непреложны. Я говорю это не в осуждение остальным, среди которых есть хорошие и редкие Конюшие, правильно обучающие лошадей послушанию, но я нахожу те правила, которыми пользуюсь, такими, как я только что сказал, и к тому же менее опасными. Если, например, какая-нибудь лошадь отказывается подчиняться, благоразумному Всаднику следует определить, что ей в этом мешает. Если лошадь истеричлива, если она злится и ярится, надо остеречься бить ее (как бы она ни выражала свою злобу и ни пыталась защититься), только бы она пошла вперед, поскольку, удержавшись от удара, мы тем самым накажем и ее мозг (развивать который как у таких лошадей, так и у любых других, важнее, чем ноги и бока). Веревки же кавессона, пока она будет упрямыться, попутно проучат ее. И в то же время, когда она предпримет попытку вырваться, действуя только этим способом, нужно сделать так, чтобы она ни в коем случае не сошла со своего следа. Если же неудобство, причиняемое кавессоном, принудит лошадь остановиться, чтобы попытаться защититься по-другому, либо попятившись, либо кинувшись на барьер, пусть тот, кто держит шамбриер, напугает ее, нанесет ей удар, от которого она защитится, а потом еще раз, пока она не пойдет вперед. А тогда тотчас же даст ей понять, что ее послушание вознаграждается ласками. И если мы продолжим

в том же духе, с подобающим благоразумием, лошадь поймет и вскоре исполнит то, чего мы от нее хотим. Если лошадь ленива и труслива, и ее лень и трусость мешают ей слушаться, нужно с силой воспользоваться шамбриером, как чтобы напугать, так и чтобы причинить боль, стараясь все же ударами не злоупотреблять. Это должно быть последним средством, применять которое следует только в крайних случаях, когда лошадь проявляет самую черную злобу, главным образом, когда лошадь, пытаясь защититься от человека, старается причинить ему боль. Если оказывается, что у лошади «плохой рот», ее защита обычно направлена скорее вперед, а не назад, и выражается в том, что она упрямыться. Бить такую лошадь не следует, напротив, нужно сдерживать ее и успокоить, чтобы дать ей хорошую и точную опору и поставить ее на задние ноги, чтобы отбить у нее привычку опираться на повод и упрямыться. Делать это следует у той же стенки, осторожно пуская лошадь рысью и галопом, пока она не выполнит этот урок непринужденно, с легкостью. Если у лошади «плохой рот», и только это качество мешает ей быть послушной, ее нужно успокоить в ходе этого урока или же следующих. Потому как, если мы начнем подгонять ее до того, как она научится себя носить или поймет удобство позиции на задних ногах, она так ляжет на перед, что потом будет очень трудно ее поправить. Но если, кроме «плохого рта», она отличается еще и злобностью, тем более следует остеречься подгонять ее до того, как она научится носить себя, как во избежание вышеописанной ситуации, так и более прискорбной. Если подгонять лошадь, не умеющую еще себя носить, она не преминет защититься с присущей ей злобой. Эта злоба, не будучи поддержана ни силой, ни легкостью, может привести к тому, что привязанная к земле своим «плохим ртом», лошадь, видя, что силой ей не защититься, бросится на землю или, стараясь вырваться и не обладая при этом ни силой, ни легкостью, упасть или перевернуться, а иногда даже улечься.

Итак, здесь суть Высокой Школы XVII века. Плуvinель, увлекшись, приоткрывает карты. Надо закрыть глаза на

дикость и маразм, естественные для того времени, – и перечитать фрагмент снова, отредактировав его для себя, убрав все, что связано с битьем. Мы опять увидим отчетливую тенденцию (абсолютно новаторскую в то время) – «прислушиваться к лошади», ставить ее состояние и ее настраивание все же выше, чем намерения всадника.

Король

Вы прекрасно описали мне, как полезно начинать урок с самого для них сложного, равно как заставить слушаться лошадей разного нрава. А теперь, Господин де Плювинель, перейдем к следующему.

Плювинель

СИР, когда я вижу, что лошадь свободно выполняет этот первый урок в шаге, рыси и галопе и внешне готова перейти к короткому галопу (тер-а-теру), я стараюсь вложить кое-что в ее память. Для этого, начав урок с ней у стенки, я привязываю ее между двух пиляров такой формы, как Ваше Величество может видеть, а затем, зайдя сзади, я учу ее рукояткой хлыста или шамбриера уклоняться от тычков, заставляя ее осторожно принимать то одним, то другим боком. И так как кавессон стесняет лошадь в этот момент больше, чем в любой другой, мы должны стараться работать с ней настолько осторожно, насколько это возможно, чтобы она привыкла терпеть его, подчиняясь. Тем самым мы умирим гнев лошади, охватывающий ее еще в большей степени, когда она видит, что не может ни вырваться, ни двинуться вперед или назад, ни повернуть влево или вправо. А если лошадь не захочет слушаться (что бывает весьма редко), можно будет обвести ее вокруг пиляра, укоротить веревку кавессона и, удерживая ее голову вблизи пиляра, заставить ее осторожно переступить с помощью рукоятки хлыста, как уже было сказано, или шамбриера, и тогда, в случае отказа, она быстро усвоит, что то, чего мы от нее требовали сначала, сковывало ее меньше, чем теперешнее неудобство.

Король

Полагаю, что, хорошо выполнив этот урок, можно достичь прекрасных результатов.

Плювинель

Превосходных (СИР), больших, чем даже может ожидать Ваше Величество. Ведь в первую очередь благоразумный и рассудительный Всадник сможет увидеть, на что способна его лошадь, какого она нрава, никого не подвергая риску, он научит ее уклоняться от хлыста и шамбриера возле стенки и между двумя пилярами, из страха идти шагом, рысью, галопом и некоторое время коротким галопом (тер-а-тером), принимать то в одну, то в другую сторону, а также тому, чтобы она сама себя наказывала кавессоном, чего не сумел бы сделать ни один человек, когда она «хочет сойти со своего следа». Кроме того, продолжая практиковать этот урок, он откроет для себя еще три полезных момента: первый состоит в том, что лошади никогда не бывают с «плохим ртом», второй – что нет лошадей упрямых, а третий – что они не станут непримиримыми и несговорчивыми, если будут выполнять пируэт с правой и с левой руки, а именно эти серьезнейшие недостатки считаются наиболее часто встречающимися у необученных лошадей.

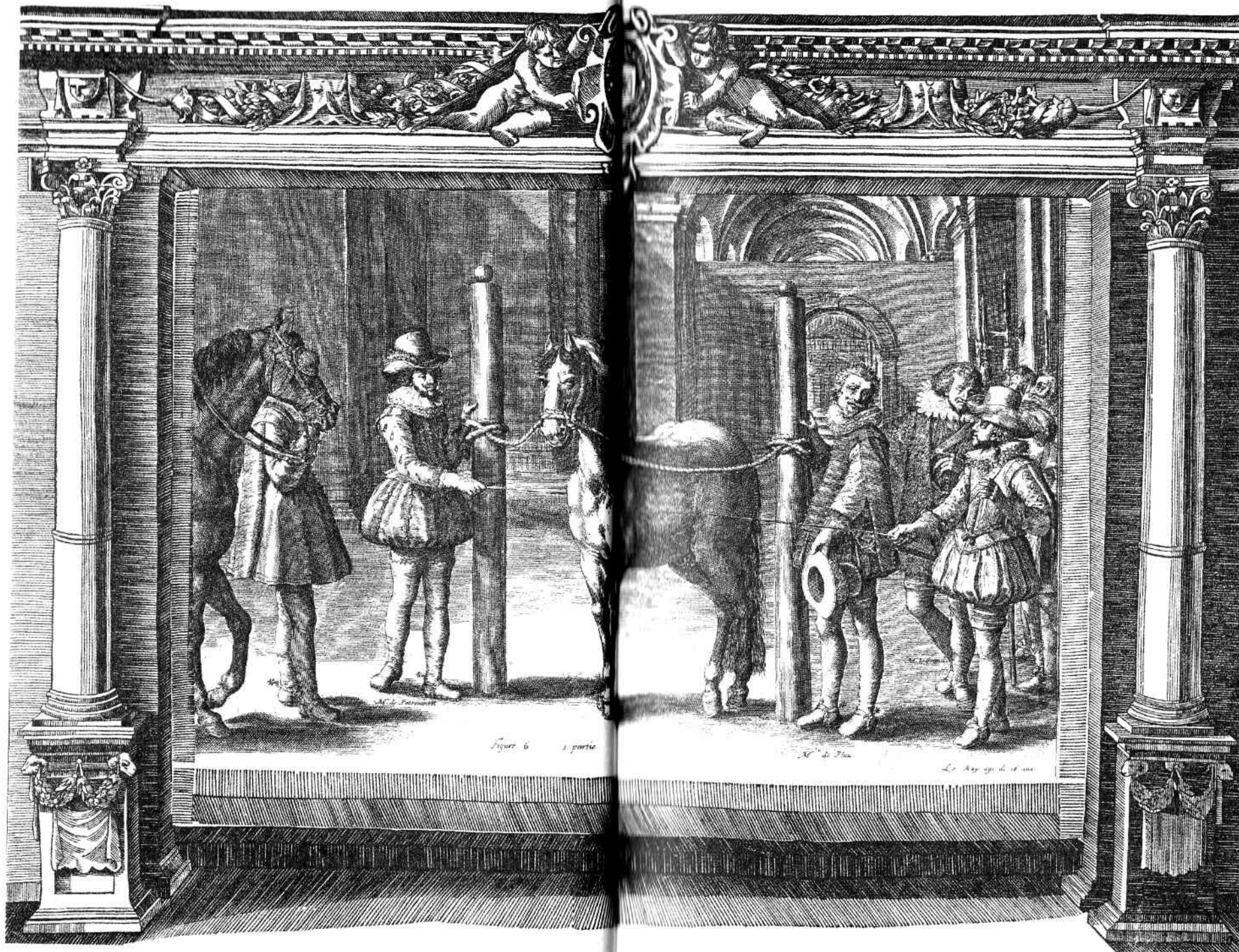
Король

Почему они не могут быть с «плохим ртом», упрямыми или непримиримыми, если от природы они имеют предрасположенность к одному из этих пороков или ко всем трем одновременно?

Плювинель

Поскольку, выполняя оборот, они вынуждены двигаться вперед, и, если, зайдя спереди, показать им шамбриер, они резко остановятся, когда мы этого захотим. Вещь совершенно невозможная для непримиримых, которые не хотят делать пируэт, для упрямых, которые отказываются

идти вперед, для лошадей с «плохим ртом», которые не останавливаются тогда, когда этого хочет Всадник. И да соблаговолит Ваше Величество заметить, что эти три момента, такие полезные и необходимые, являются непреложными, если не менять этих уроков, пока лошадь не даст понять своим беспрекословным послушанием, что она применяет свою силу и свой дух свободно и без всякого насилия.

Король

Из разговора с вами можно заключить, что вы не делаете различия между работой вокруг одного пиляра или вокруг двух, что, по-вашему, эти два способа одинаково полезны для лошади в начале, в середине и в конце обучения.

Плювинель

Действительно (СИР), тот, кто сумеет работать со смыслом и с полным знанием того, что следует предпринимать в том или ином случае, сможет смирить свою лошадь, равно как и все ее существо, во всяком движении, практикуя терпеливо и осмысленно уроки, о которых говорилось выше и о которых еще будет сказано.

Король

Через какое время вы сажаете человека на лошадь и когда вы считаете это своевременным?

Плювинель

СИР, прежде чем посадить на лошадь человека, я хочу, чтобы она легко и без принуждения выполняла вышеописанные уроки под седлом и в узде, что возможно уже через четыре-пять дней, при условии, что тот, кто с ней работает, действует с умом, со смыслом и поступает правильно. Ведь иногда случается, что из-за отсутствия этих двух

весьма необходимых вещей мы портим лошадь и сажаем человека наудачу. Это то, чего я избегаю насколько возможно, потому что при любых упражнениях, будь то для удовольствия или пользы или, как здесь, и для того и для другого вместе, нужно постараться не довести до несчастного случая, так как нет никакого удовольствия в том, чтобы видеть человека покалеченным, и никакой пользы в том, чтобы бить свою лошадь и делать ее негодной для услужения своему хозяину. Вот почему я хочу, чтобы она по доброй воле подчинялась вышеописанным урокам, сообразно своим силам, только под седлом и в узде, и я хочу, чтобы стремяна при этом были сняты.

Король

Почему вы велите снимать стремяна, когда не сажаете никого на лошадь?

Плювинель

СИР, я делаю это по двум причинам и, главным образом, в отношении чувствительных лошадей, которым это особенно необходимо. Первая причина заключается в том, что, когда стремяна ударяются о живот лошади, она замечает, что боли это не причиняет, и привыкает терпеть, что к ней что-то прикасается. Другая причина в том, что из-за этого лошадь вместо того, чтобы хвостить, держит его напряженно, а этого необходимо остерегаться, потому как это одно из самых неприятных и непристойных действий, которые только может совершать лошадь под седоком. Так что, если я вижу, что лошадь делает то, чего я от нее хочу, и не отказывается подчиняться, я спокойно сажаю на нее какого-нибудь юного ученика, довольно легкого и крепкого. Легкого, чтобы доставляемое ей неудобство было минимальным, и крепкого, чтобы, когда лошадь, почувствовав тяжесть, большую, чем обычно, начнет сопротивляться своему наезднику (как это обычно бывает), он смог крепко держаться и вытерпеть безмятежно ее шалости или коварные попытки защититься. И, распорядившись снять стремяна, я предупреждаю его о том, чтобы он, сидя верхом,

ничего не предпринимал, не давал лошади почувствовать уздечку, поскольку достаточно того, что лошадь чувствует на себе седока. Пусть она привыкнет носить его добровольно, и пусть урок продолжается, как и прежде: пусть тот, кто держит шамбриер, заставит ее подчиняться из страха или от боли. И если продолжать действовать подобным образом в течение плюс-минус пяти-шести дней, лошадь поймет, что тот, кто на ней, не причиняет ей ни боли, ни неудобства, и она будет спокойнее подпускать его к себе и позволять ему на себя садиться.

Король

Я ясно вижу, что, следуя таким путем, вы избегаете почти всех опасностей, как для людей, так и для лошадей, и что вы можете воспитать лошадь и под юным учеником.

Плювинель

СИР, я очень рад, что Ваше Величество убедилось в истинности моих слов, насколько это возможно. Вы увидели все главные опасности, которые могут встретиться на этом пути и которых следует избегать, и что самые опасные уроки, как для людей, так и для лошадей, — первые, во время которых лошади нужно перейти от одной крайности к другой, от свободы к подчинению и научиться носить седло, узду и человека, а этому противятся все или почти все лошади сообразно своей природе, силе и энергии. И что если удастся избежать этих первых побуждений и заставить их подчиниться в ходе вышеописанных уроков, то нет никаких сомнений в том, что, подчинившись этому, они подчинятся всему, если силы им это позволят и если благоразумный Всадник сумеет воспользоваться ситуацией.

Король

До сих пор я видел неподвижного человека на лошади, а сейчас посмотрим исполнения чего вы от него пожелаете.

Плювинель

СИР, когда я вижу, что лошадь привыкла носить человека и подчиняться ему без сопротивления, я сажаю на нее более знающего ученика, который уже умеет управлять лошадью уздой и шпорами, и он, не прикасаясь к ней шпорами, начинает осторожно натягивать поводья, пока лошадь понемногу не почувствует узду и не привыкнет давать собой править. Этому, как и прежде, будет способствовать кавессон, а тот, кто держит шамбриер, должен следовать за ней. Если сил у лошади немного, она сама будет слушаться и начнет уступать руке. Тогда мы сможем продолжать этот урок до тех пор, пока она не перестанет бояться узды и не позволит собой править. Но нужно, чтобы тот, кто на ней верхом, старался давать ей этот урок с осторожностью, так, чтобы узда не причиняла ей беспокойства и ни в коем случае не была для нее наказанием. Он должен осмотрительно и благоразумно ослаблять или натягивать поводья, в соответствии с тем, что лошадь должна делать и куда идти. Затем, в зависимости от того, насколько она послушна у стенки, либо отослать ее, либо закончить урок меж двух пиляров, заставляя ее принимать то в одну, то в другую сторону не шпорами, пользоваться которыми не следует, пока она не перестанет бояться узды и не позволит собой править, а рукояткой хлыста или шамбриера, как было описано выше, стараясь по возможности лошадь не сердить.

Король

Мне вполне ясно, что этот урок позволяет достичь того, о чем вы говорили мне прежде, указывая на то, что лошадь тогда идеально вышколена, когда она слушается узды и шпор и добровольно позволяет Всаднику править собой так, как он того пожелает. Но скажите мне, почему вы предпочитаете начинать с того, чтобы приучить лошадь подчиниться узде, а не шпорам?

Н Далее — едва ли не самые важные абзацы книги. Да, Плювинель понимал болевое воздействие уздечки; да, он полностью

отдавал себе отчет в том, что лошадь контролируется только болью.

Здесь текст очень сдержан, и не вполне ясно, до какой степени это удручает самого Плювинеля. Понятно лишь, что он отдает себе отчет в «основном принципе» управления лошадью.

Плювинель

СИР, я поступаю так потому, что, как я уже сказал Вашему Величеству, самая большая сложность для лошади – это выполнить пируэт, а самое большое неудобство ей доставляет узда. Она куда более охотно терпит человека на себе, чем железо во рту. Вот почему я следую своему правилу всегда начинать с самого сложного и с самого необходимого. Учитывая, что именно узда сдерживает лошадь и подчиняет ее воле Всадника и что без нее нам не обойтись, я начинаю учить лошадь не бояться узды и подчиняться ей. Потому как, если лошади достаточно узды, чтобы естественно идти вперед и поворачивать, Всадник может пользоваться этим тогда, когда ему необходимо, и нет ни конных латников, ни легких всадников, которые бы не старались приучить своих лошадей поворачивать и останавливаться с помощью узды. Иначе Вашему Величеству не было бы прока от их службы.

Касательно пируэта.

Что касается того, что лошади именно пируэт дается сложнее всего, – то это, мягко говоря, заблуждение. Плювинель ориентировался на очень жесткую технику постановки на пируэт, которая быстро «удалбывала» и раздражала лошадь. Традиционный способ постановки на пируэт, предлагающий либо сокращение вольты, либо доведение принятия до абсолюта, когда принятие делается, по сути, вокруг задних ног, со все возрастающей ритмизацией и «дроблением» этого движения на темпы, с последующим «перерождением» принятия в круговые темпы галопа, – действительно может довести до исступления любую лошадь.

Я подозреваю, что еще одной проблемой, порождающей сопротивление, всегда была жесткая нормализация того, с какой ноги делается пируэт. Канонически, «по Школе», пируэт всегда делается с внутренней ноги.

Помимо того, что (общеизвестный факт) среди лошадей есть «левши» и «правши», причем соотношение их иное, чем среди людей, пируэт с внутренней ноги проблемнее психологически. При исполнении пируэта с внутренней ноги лошади предлагается полностью потерять переднее равновесие и очень болезненно напрячь ромбовидную и плечепоперечную мышцы.

Естественно, возникает сопротивление.

Лошадь, которой предоставлена свобода выбора, всегда начнет делать пируэт с внешней ноги. Причем это касается не только пируэта на галопе, но и таких редких разновидностей пируэта, как пируэт на испанском шагу.

Король

Меня радуют те знания, которые вы мне передаете. Продолжим.

Плювинель

СИР, когда лошадь уже не боится узды и слушается, позволяя собой править, не сопротивляясь воле Всадника, уместно будет, если Всадник, утвердившись в стременах, каким-либо движением стимулирует свою лошадь к подчинению. И если это будет исходить от него самого, без того, чтобы пугать шамбриером, Всадник не потеряет времени и воспользуется этим, чтобы дать о себе знать ласками. Следует периодически прибегать к таким методам, как определенные переносы веса тела, использование силы икры, крепости внутренних поверхностей бедер, а иногда подбадривать лошадь голосом. Если же при этом она вдруг откажется слушаться, тот, кто держит шамбриер, может напугать ее. Одновременно с этим пусть всадник даст ей хлыстом за сапогом с окриком, чтобы лошадь уяснила, что того, кто на ней, нужно слушаться так же,

как того, кто держит шамбриер. Она быстро это поймет, если и тот, кто на лошади, и тот, кто у ее ног, будут действовать слаженно. И когда она начнет слушаться у стенки и в полной мере удовлетворит Всадника, он может отослать ее на конюшню, чтобы дать ей испытать удовольствие от своего послушания. Если же Всадник не получил от лошади того полного удовлетворения, на которое рассчитывал, ему следует велеть привязать ее между двух пиляров, не сходя с нее или не садясь на нее вновь, если он с нее сошел (в том случае, если он считает возможным сделать это без риска), и сделать следующее: пусть тот, кто держит шамбриер, заставляет лошадь идти так, как я сказал выше, а Всадник пусть осторожно приближает к ней хлыст то с одной, то с другой стороны и, действуя со всей возможной осторожностью, заставит лошадь слушаться его (хлыста), как она слушается рукояти шамбриера. Так она узнает хлыст и поймет, что его нужно слушаться. Впредь следует повторять этот урок столько раз, сколько Всадник сочтет уместным.

Король

Таким образом лошадь легко поймет, что она должна подчиняться хлысту так же, как тому, который держит шамбриер. Но почему вы предпочитаете пользоваться скорее хлыстом, чем шпорами, если хотите, чтобы удар хлыстом приходился по тому же месту, по которому попадали бы ручные шпоры?

Плювинель

СИР, я поступаю так потому, что не хочу применять шпоры иначе, чем в самом крайнем случае. Ведь если бы единственным маневром управления лошадьми были удары шпор, признаюсь откровенно, я оставил бы наездническое дело, потому как не получал бы никакого удовольствия от управления лошадьми одной лишь силой. Ведь человеку никогда не добиться расположения лошади принуждением, а лошадь не доставит зрителю никакого удовольствия своими действиями на манеже, если все те действия, которые она совершает, не доставляют

удовольствия ей самой. Вот почему я пользуюсь хлыстом, чтобы дать ей представление о шпорах: ведь то движение руки, которое видит лошадь, заставляет ее подчиниться скорее из страха, чем почему-либо еще. Кроме того, каждый раз, когда мы даем ей почувствовать хлыст в том месте, где находятся шпоры, мы подготавливаем ее к тому, чтобы потом она их не боялась.

Этот фрагмент текста вроде бы невинный, вроде бы свидетельствующий о «нормальности» Плювинеля. Но это не так. Уж лучше бы он был откровеннее в жестокости и тупости и не подменял лицемерием с оттенком благостности свое неумение чувствовать и понимать лошадь. Впрочем, сегодняшние «классицисты» (Венская, Сомюрская, Нейдорфская и пр. школы) рассуждают примерно так же. Можно даже сказать, что сегодняшние « типовые рассуждения » напрямую унаследованы от Плювинеля. Чуть позже плювинелевские мотивы перепоет Гериньер, правда, уже не так талантливо и ярко.

Поразительно, как тесно «просветления» у Плювинеля соседствуют с самым тупым и примитивным дикарством и непониманием элементарных вещей. Несколькими страницами выше он вроде бы задумался над закономерностью между болью и поведением, а тут пишет словно бы в приступе склероза.

Король

Когда вы знакомите лошадь со шпорами и как вы их используете?

Плювинель

СИР, когда я вижу, что лошадь уверенно идет шагом, рысью, галопом и неким образом тер-а-тером у стенки, терпит на себе человека,

подчиняется узде, дает собой править, слушается из страха перед шамбриером и хлыстом, знает и один и другой, принимает в одну и в другую сторону между двумя пилярами под хлыстом того, на ней, я продолжаю те же уроки, а затем, притом что человек стимулирует лошадь голосом и хлыстом, я велю ему одновременно сжимать ее икрами и ручными шпорами*. И если это нововведение заставит ее защищаться, нужно не усиливать действие шпор, а ударить один раз шамбриером или напугать ее. После того как она переведет дух и пойдет шагом, пусть тот, у кого шамбриер, стоит рядом с лошадью, ничего не предпринимая. Если же она не пойдет, когда тот, который на лошади, сожмет ее обеими икрами и шпорами, пусть страх и удар шамбриера заставят ее сделать это до того, как она опомнится и постарается защититься. Если вы будете применять это на практике с умом и смекалкой, лошадь вскоре поймет, что ручными шпорами мы побуждаем ее идти. А привыкнув, она будет делать это добровольно, лишь ощутив, что икры Всадника сжимают ее. И если лошадь не упрямится и достаточно лишь хлыста, голоса и поддержки шпор, чтобы ее приучить, тому, кто держит шамбриер, не следует им пользоваться. Наоборот, он должен отойти от стенки и предоставить действовать тому, кто на лошади, чтобы та привыкла не видеть больше шамбриера рядом с собой и слушалась как из страха, так и из удовольствия, к чему Всадник будет принуждать ее всей своей властью. А потом, когда он будет доволен ею, пусть отправит ее на конюшню или прикажет привязать между двумя пилярами, чтобы она продолжила, как и прежде, принимать в сторону, но, приближая к ней хлыст, пусть очень осторожно приближает и шпору. А когда она заупрямится, пусть ударит ее не шпорой, но хлыстом, напугав при этом шамбриером. Так лошадь понемногу привыкнет подниматься от шпор и остепеняться на боковых проходах (*se ranger de côté de ça et delà*) от вышеупомянутых хлыста и шамбриера.

* «Ручная шпора». Возможно, изобретение Пигантелли, но трудно сейчас с точностью сказать, кто был автором идеи и конструкции. Конструкция представляет собой палочку около 120 см, с длинной оплетенной рукоятью и прорезом на рабочем конце. В прорез вставлено большое вращающееся колесико шпоры, закрепленное на оси. (Здесь и далее – прим. А. Невзорова.)

Господин Ле Гран

СИР, я ясно вижу, что этот метод несомненно заставит лошадь слушаться. Но есть такие лошади, которые сами по себе, без каких-либо других хитростей, не возьмут хороший ритм в тер-а-тере. Вот почему было бы весьма кстати, если бы Господин де Плювинель рассказал Вашему Величеству, что следует делать с такими лошадьми, чтобы заставить их брать хороший ритм в тер-а-тере.

Плювинель

СИР, то, что Господин Ле Гран только что сказал, абсолютно верно. Есть лошади, которые слушаются узды и шпор, позволяя править собой в шаге, в рыси, в галопе и в резвом галопе, но при этом не могут взять ритм в тер-а-тере. И это им мешает (я имею в виду послушных), поскольку тех, которые защищаются из злости, следует подчинять изощренным терпением и решительным благоразумием, чтобы заставить их слушаться. И когда они станут послушными, они все равно не приносятся ни к какому ритму. Они должны быть без сил, без легкости или от природы раскляченными, так как, если лошадь легкая и слаженная, вышеописанные маневры заставят ее показать то, чего мы от нее желаем. Но если лошадь легкая, но раскляченная, нужно, чтобы Всадник, закончив урок, приказал привязать ее между двух пиляров. После того как он заставит ее пройти одним и другим боком, он должен спуститься и через некоторое время легонько ударить ее хлыстом по груди, помогая языком, чтобы научить ее выполнять курбеты. Если же она не реагирует и не слушается, как будто она настолько разгневана или глупа, что мельчайшее новшество смущает ее и она не понимает, чего от нее требуют, или понимает, но не хочет выполнять, благоразумному Всаднику следует отнестись к этому внимательно. Потому как, если лошадь слышит и понимает, что от нее требуют, но отказывается выполнять, нужно наказать ее за этот отказ. Если же она не понимает и ее отказ обусловлен недостатком ума, спровоцированным гневом или глупостью, мешающей лошади подниматься высоко от земли и поджимать перед, когда она выполняет курбеты

или в каком-нибудь более высоком движении, или если она слишком долго заставляет себя ждать, прежде чем поднимется на обеих ногах над землей, ее нужно ударить тем же хлыстом по одной задней ноге или по обеим, чтобы заставить ее лягаться. И если лошадь хоть сколько-нибудь чувствительна, она заметит, что ей нужно поднимать ноги, то есть круп, при виде приближающегося хлыста. Тем самым она больше не будет отказываться поднимать перед, что, главным образом, и требовалось. А если все эти средства не дают результата и лошадь настолько привязана к земле, что не хочет подниматься, надо велеть держать толстую палку приблизительно в полутора футах от земли и, удерживая одну из веревок кавессона, заставить лошадь перепрыгнуть эту палку. Когда она приблизится к палке, пусть тот, кто на ней, поможет ей языком и ударом хлыста по одному или другому плечу. Таким образом лошадь научится как следует выполнять курбет, если Всадник позаботится о том, чтобы помогать ей, и будет ласкать ее всякий раз, когда она послушается, даже если она притворится. Потому как лошади могут быть внимательны и послушны только в ответ на наши ласковые слова, жесты или когда мы даем им какого-нибудь лакомства, травы, хлеба, сахара или чего-нибудь другого, когда они делают то, чего мы от них желаем, или поднимаются. Но если они поступают плохо, нужно наказывать их голосом, хлыстом, иногда, одним или, самое большее, двумя ударами шамбриера. Я имею в виду, чем-то одним, а не всем этим вместе за одну ошибку, поскольку нужно быть жадным на удары и щедрым на ласки, чтобы, как я уже сказал и всегда буду повторять, заставить лошадь слушаться скорее из удовольствия, чем от боли.

У нашего автора вроде опять просветление. Мгновенное, мимолетное, но блистательное.

Он пишет – «изошренным терпением и решительным благоразумием». Фразу можно было бы считать ключевой, кодовой применительно к сегодняшним, гораздо более совершенным методам воспитания лошади. Более того – эта фраза полностью «из сегодня».

Категоризм и сила образа – «изошренным терпением и решительным благоразумием» – на секунду переворачивают всю картину традиционной жестокости и глупости, давая абсолютно правильную характеристику состояния воспитателя.

Вообще, честно говоря, у меня при прочтении Плювинеля ощущения очень часто возникали примерно такие же, как и при прочтении «Зогара», основных Сефир или других основ Каббалы. Там принцип прост. Изначально на странице, к примеру, текста есть одна фраза, которую следует ЧИТАТЬ. Прочее – словесная шелуха, глупости, «ложные целеуказатели», некая словесная масса, которая должна помешать обычному читателю вникнуть в суть написанного. Таков принцип большинства (всех?) каббалистических текстов. Посвященный, кому текст, собственно, и предназначен, знает, по каким признакам надо определить эту ОДНУ фразу.

Знание Плювиелем, а тем более реальным писателем книги – Рене де Мену – основ и сути Каббалы несомненно. Реликвии плювинелевского обихода (знаменитый мундштук с печатью Метатрона, с печатями Ордена Храма Соломона и тайнописью на ветвях бранше), его несомненная тайная «тамплиерственность», предполагающая очень свободное владение кодами Лурианской каббалы, безупречное знание стилистики подобных сочинений, стеганографии и других особенностей «мышления тамплиеров» – должны были, несомненно, воплотиться и в этом фолианте, учитывая значимость его как для Плювинеля, так и для де Мену и для Школы в целом. Они и воплотились.

Впрочем, если читать «Наставление королю» как стеганографическое, каббалистическое сочинение, то, вероятно, надо будет оставить от всей книги лишь 125 фраз.

Учитывая массовость издания, это вряд ли разумно и честно. Пусть то, что Плювинель хотел скрыть, – останется скрытым. Я буду комментировать текст так, как будто бы не догадываюсь о его стеганографической сущности. А те, кто не поленятся изучить основы стеганографии (в «Наставлении

королю» все на достаточно простом уровне), откроют для себя «книгу в книге».

Рекомендации по «секретному» прочтению и пониманию данного фолианта можно получить у аббата Тритемия, который справедливо считается классификатором, упорядочивателем и отчасти изобретателем стеганографии.

Король

Метод, которого вы придерживаетесь, чтобы поднять лошадям перед и тем самым научить их хорошо выполнять курбет, предполагает, что человек, который этим занимается, должен наблюдать за тем, что делает, с близкого расстояния. Это дает возможность избежать крайних проявлений гнева у лошади, привязанной таким образом, уберечь от опасности человека, который находится на ней и выбрать единственно верный способ из всех вами перечисленных, и все это лишь для того, чтобы заставить лошадь выполнить один хороший курбет.

Плювинель

СИР, Вашему Величеству может показаться, что уметь выполнить один хороший курбет – ничтожно мало для лошади. Но я могу Вас заверить, что та лошадь, которая делает его хорошо, продвинулась вперед очень значительно. Ведь если лошадь хорошо выполнила один курбет, она, без сомнения, сделает хорошо и три, а, почувствовав себя в этом уверенно, непременно выполнит их столько, сколько у нее хватит духа, при условии, что с ней будут работать разумно, не сердя ее. И, чтобы дать Вашему Величеству представление о том, что такое хороший курбет: лошадь выполняет его свободно, лишь при помощи языка, тогда, когда Всаднику будет угодно ее об этом попросить, сопровождая согласным движением передней и задней частей тела. И если я указал разные способы, с помощью которых можно поднять лошадь, так это для того, чтобы благоразумный и рассудительный Всадник воспользовался ими по своему усмотрению. Потому как в случае, если лошадь, сопротивляясь, поднимется слишком прямо, рискуя опрокинуться, и не захочет податься вперед, ему придется

решать, благоразумно ли продолжать то, чему лошадь противится. Наоборот, если лошадь защищается подобным образом, необходимо ее приучить и погонять ее у стенки, чтобы она оставила эту манеру и, приложив усилие, взяла наилучший ритм. Если лошадь с норовом или упряма, нецелесообразно ее поднимать, если только причина не в том, что она слишком привязана к земле. Но и в этом случае не стоит ее поднимать, чтобы сделать ее легче, пока она не будет послушно идти вперед и выполнять предыдущие уроки. Мудрый и осторожный Всадник учтет все эти моменты и будет тщательно следить за противником, поскольку по ходу работы может возникнуть тысяча различных ситуаций, говорить о которых можно лишь тогда, когда представится случай. Очень важно, чтобы в этой науке долгая практика обязательно сочеталась с благоразумием, иначе вполне вероятен риск испортить лошадь и причинить боль человеку. Цель моего метода не только в том, чтобы шадить ноги и бока лошади и сокращать время. Чтобы добиться желаемого, главным образом, я стремлюсь развить ее дух и память. Так что больше всего я работаю с духом лошади. Также необходимо, чтобы дух Всадника находился в постоянной работе и был готов ко всяким случайностям. Тогда он сможет достичь желаемого, не дав пройти незамеченным ни одному движению, ни одному мгновению.

Многоречивое, на первый взгляд, абсолютно абстрактное рассуждение.

По-русски это называется «заводить рака за камень».

Техники постановки на курбет не рассказывается, ничего не объясняется, пишется масса пустых словес.

Правда... В первых же абзацах Плювинель аккуратно предупреждает, что говорит уже как минимум о третьей фазе подготовки к курбету.

Правда, предупреждает завуалированно, лишь обмолвившись, что на лошади уже сидит всадник!

Первые две (важнейшие) фазы – опущены, а прецептор Антуан с невинным видом продолжает втолковывать млеющему читателю (и своим слушателям) «идеологию курбета».

Сама по себе идеология очень верная, очень точная. Написана правдиво. Я имею в виду абзацы про «дух» лошади. Но

технология, которая на самом деле призвана этот дух мобилизовать, сконцентрировать, – как всегда скрыта.

Король

Я ясно вижу, что человеку необходима практика, чтобы преуспеть в этой науке. А потому я очень рад, что до этого момента не только слушал вас, но и видел подтверждения тому, что вы говорите. Расскажите же мне, чего вы желаете от вашей лошади, после того как она научится выполнять три-четыре хороших курбета.

Плювинель

СИР, когда лошадь свободно слушается в ходе предыдущих уроков, умеет выполнить три-четыре хороших курбета, спокойно подчиняется, работая между двумя пилярами, не опираясь на веревки кавессона, я велю чуть удлинить веревки и продолжаю тот же урок еще четыре-пять дней, пока лошадь не примет хорошую опору на руку. И когда я вижу, что в движении она опирается на поводья, а не на кавессон, я одними бедрами заставляю ее принимать в одну и в другую сторону, приближая то одну, то другую шпору, идти шагом, потом выполнить по два-три курбета в каждую сторону, соответственно благоразумию Всадника, останавливая ее каждый раз лаской. Потом шпорами учу ее идти боком, опираясь на руку, и, если она недостаточно поднимает переднюю или заднюю часть, помогаю ей хлыстом.

Король

А если во время одного из вышеописанных уроков крепкая лошадь начнет из-за всех сил сопротивляться, как тогда следует поступать?

Плювинель

Если крепкая или любая другая лошадь сопротивляется вышеописанным урокам, надо понять природу ее сопротивления. Потому как, если она идет вперед и только сопротивляется (если она легкая и силь-

ная) своему наезднику, делая вместо курбетов прыжки, хотя она приучена к любой узде, нравится Всаднику и сопротивляется подобным образом, только когда ее хотят поднять, нужно не просто перетерпеть это, а поддержать лошадь в той каденции, которую она избрала сама, будь то каприоли, баллотады или крупады. Ведь эти движения, без всякого сомнения, даны лошади от природы, и, по возможности, надо заставить ее продемонстрировать то, что ей проще всего, к чему она наиболее склонна. И именно в этом движении она будет наиболее грациозна. Как я только что сказал, благоразумный и рассудительный Всадник должен стараться не бить свою лошадь, когда она берет какой-либо ритм по доброй воле или сопротивляясь, даже если это не то, чего он от нее хочет. Если ее сопротивление выражается в прыжках, нужно дать ей прыгать и поддержать ее в этом, поскольку достаточно того, что она взяла ритм и послушалась. Я абсолютно уверен в том, что, если лошади не хватает сил для того, чтобы продолжить выполнять каприоли, баллотады или крупады, она сама с легкостью перейдет к курбетам или тер-а-теру. А если поступить иначе, то сильная и полная огня лошадь может натворить тысячу бед, которые не только оттянут выполнение желаемого, но и принесут тысячу несчастных случаев и человеку, и лошади.

Плювинель, в отличие от Филлиса, Боше, Гериньера и других идеологов дрессажа, неплохо понимал, судя по всему, природную биомеханику лошади.

Если у Гериньера (а в большей степени у Филлиса) уже существовал придуманный канон, в который надо было вогнуть любую лошадь любой ценой (цену мы знаем), то Плювинель еще оставляет стилистику элемента на усмотрение самой лошади.

Причем, если внимательно прочесть этот фрагмент текста, – дает лошади ОЧЕНЬ большую свободу выбора.

Чувствуя анатомические, биомеханические особенности каждой лошади, Плювинель, разумеется, подмечал, в силу ума и опыта, невозможность эталонов, канонов исполнения элементов для всех лошадей.

С точки зрения спортивного, современного дрессажа – это абсолютная ересь, так как есть нормативы исполнения, и результат заключается именно в том, чтобы вогнать любую лошадь в этот норматив. Существуют т. н. соревнования по выездке, где сравнивается соответствие движений лошади некоему эталону, утвержденному группой лиц, считающих себя специалистами в этом вопросе.

Понимание особенностей конституции, анатомии и биомеханики лошади в их обязанности не входит, возможности быстро (или не быстро) «пересчитать» эталон для каждой конкретной лошади тоже.

Маразм, конечно, законченный.

Но Плювинель поэтому и не пригоден в идеологи дрессажа, что откровенно пропагандирует для лошади «свободу выбора» стилистики исполнения.

Это более чем разумно. Трудно сказать, чем он руководствовался. Но прав был с точки зрения сегодняшней науки о лошади – однозначно.

Король

Мне вполне понятно то, что вы мне только что сказали. Но вернемся к лошади, которая слушается во время вышеописанных уроков между двумя пилярами, выполняет четыре-пять курбетов как на одном месте, так и в каждую сторону, опирается на руку. Когда она на таком уровне, посмотрим, чего вы от нее хотите, поскольку из ваших слов можно заключить, что вы начинаете, продолжаете и заканчиваете воспитание вашей лошади у стенки и между двумя пилярами.

Плювинель

Вы правильно рассудили, Ваше Величество. Я действительно прекрасно управляюсь этими двумя способами, поскольку я использую все то, что позволяет мне объезжать лошадей так, как я хочу, не томя ни их тел, ни ног, ни копыт, но только их дух. А у стенки лошадь свободно под-

нимается на задние ноги, слушается, смирится, совершает яростные и быстрые пируэты. И пусть между двух пиляров она была энергична, пинорам она подчинится скорее. Она собирается и принимает хорошую опору на руку в курбетах. Раз уж лошадь между двумя пилярами идет на это добровольно, осторожно опираясь на поводья, а не на кавессон, за их пределами, на свободе она пойдет еще лучше. И поскольку точность (исполнения) в полной мере зависит от той (размеренности движения), которую она показывает от фермы до фермы*, не сходя с места, я охотно продолжаю и обычно заканчиваю урок с лошадью между двумя пилярами, здесь находя то, что мне необходимо.

И позвольте сказать Вам (СИР), что я нашел самый великолепный урок для того, чтобы быстро поставить голову лошади, научить ее брать хорошую опору на правую руку и восстанавливать дыхание в курбетах: почувствовав, что она не опирается и не тянет за кавессон, я привязываю ее между двумя пилярами лонжами в одну нить, которые будут у нее во рту вместо узды, и продвигаю ее без седла. Она наказывает себя сама, если мотает головой, слишком опирается или опирается недостаточно. Когда же я вижу лошадь, вполне послушную Всаднику, то, чтобы дополнительно попрактиковать ее на вольтах, я велю поставить ее к той же стенке, что была описана выше, и с помощью лонжи, привязанной к щечке узды наподобие ложного повода, добиваюсь от нее послушания, заставляя ее поднимать переднюю часть и мощно подаваться вперед, что представляет собой нечто среднее между тер-а-тером и курбетами, весьма помогает подчинить и смирить лошадь и позволяет ей постигнуть вольт. Нет ничего приятнее, чем видеть лошадь, у которой неприятные медлительность и вялость сменились проворством и благоразумием.

Король

Кажется, прежде вы сделали, что могли, чтобы заставить лошадь высоко поднять переднюю часть для хорошего исполнения курбетов

* Есть две трактовки этой фразы. По одной версии, под словом «ферма» Плювинель имеет в виду расстояние меж опорами крыши манежа. Вторая версия более уместна в этом случае: термин от «фермы к ферме» – это самое старое, самое первое обозначение движения, сильно напоминающего каприоль. (Иногда можно писать «каприоль», иногда «кабриоль» – по настроению, но правильнее «кабриоль», т. к. коза именно «кабра», а кабриоль, как известно, это именно «козий прыжок».)

M. de Ponsac

Le Cte de Ponsac

Figure 12

и дать мне понять, что самые высокие курбеты являются самыми красивыми. Теперь вы заставляете ее подниматься в полукурбетах – полутер-а-терах. Не боитесь ли вы, что это отвратит лошадь от того, чтобы подниматься высоко, и осадит ее?

Плювинель

СИР, практика показывает обратное, и уверяю Вас, Ваше Величество, выполнение полукурбетов и полутер-а-теров не только не осаживает и не утяжеляет лошадь, но, использованное точно к месту, поднимает ее и придает ей легкость, а также смиряет, укрепляет на задних ногах, делает ее позицию уверенной, учит ее свободно подчиняться руке, шпорам и хлысту. Все это делает лошадь более ловкой во всем, чего мы от нее желаем, а значит, облегчает ей достижение цели.

Король

Я согласен с вашими доводами и полагаю, что впоследствии все будет так, как вы говорите. А потому посмотрим, что вы делаете дальше.

Плювинель

СИР, да будет Вашему Величеству угодно заметить, что, как я говорил, необходимо прибегать к этому уроку – полукурбету и полутер-а-теру, когда в этом есть потребность, то есть когда мы видим, что лошади не хватает решительности при выполнении курбетов, что она не тверда в позиции, не уверена в опоре на руку и в маневрах. Но, если сила лошади придает ей решимости и нет необходимости этим пользоваться, нужно двигаться дальше, хотя я никогда не встречал лошади, которой бы этот урок повредил, а потому я им охотно пользуюсь. Когда же я вижу, что она прекрасно слушается, стоит только чуть сдерживать узду, выполняет курбет или каприоли, если это в ее духе и если ей помочь в этом в большей или меньшей степени, как я сказал выше, в соответствии с благоразумием Всадника, я учу ее выполнять хорошие вольты. Для этого я продолжаю удерживать лошадь у стенки, пока не увижу, что

она совершенно уверена в этой фигуре, полностью подчиняется руке и понемногу перестает бояться маневра шпорами.

Король

Что вы называете «не бояться маневра шпорами»?

Плювинель

СИР, лошадь не боится шпор, когда при их приближении она от них уклоняется и сторонится то одной, то другой, когда сдавливаясь ей ими живот и она энергично поднимается от руки. И если она делает что-то против воли того, кто на ней, и он наказывает ее одним-двумя ударами обеих шпор или только одной из них, она сносит это наказание так же, как другие маневры, не гневаясь.

Король

Я только что услышал, что значит для лошади не бояться шпор. Но важны методы, которые нужно применить, чтобы заставить лошадь сносить их. Я был бы рад услышать от вас о них.

Плювинель

СИР, есть множество лошадей, и среди них немало таких, которые слишком терпимы к шпорам и которых они совсем не беспокоят. Для таких лошадей скорее нужны способы, которые сделали бы их более чувствительными. Поэтому сейчас я не буду отвлекаться на разговоры о них и расскажу Вашему Величеству то, чего он желает. Встретив очень чувствительную к шпорам лошадь, уверенную в своей позиции в курбетах, я всегда или, чаще всего, в зависимости от того, что мне надо, начинаю урок с ней у одного пиляра. Здесь я заставляю ее идти вольтами как ей с ноги, и, пока она делает это, я очень осторожно стараюсь подщипывать ее настолько легонько, насколько только могу, то одной, то другой шпорой, в зависимости от потребности, или же обеими

вместе, но только один или два раза. Если она не боится, я ласками даю ей понять, что это то, что нужно. Если же она боится, следует прекратить маневр и завершить вольт, чтобы вернуть лошадь в ее позицию, потому что есть такое правило: никогда не останавливать свою лошадь на плохой позиции (*sur une mauvaise cadence*), если это возможно. Поскольку в первую очередь надо позаботиться о том, чтобы хорошо начать и хорошо закончить фигуру. Приняв во внимание, что лошади было трудно стерпеть легкие подщипывания, я привязываю ее между двумя пилярами коротковатыми веревками и, поднимая ее, велю легонько подщипывать. И если она артачится сверх меры, я образумливаю ее сзади по крупу хлыстом, помогая ей; а тому, кто на ней, велю продолжать ее подщипывать, чтобы она заметила, что нужно отвечать на маневр шпорой, как на маневр хлыстом. И если Всадник, который на лошади, и тот, кто помогает лошади хлыстом по крупу, действуют согласно, вскоре они приучат лошадь принимать маневр шпорами и подчиняться ему, как маневру хлыстом.

Король

Но в том случае, если лошадь настолько нетерпелива или настолько чувствительна, что не хочет сносить шпор так, как вы говорите, и настолько разгневана тем, как ее принуждают, что впадает в отчаяние, надо ли упорствовать в том, чтобы заставить ее перестать бояться шпор, ведь мне кажется, и без этого ею можно править. И вы же сами говорите, что нельзя бить лошадей, наоборот, нужно, чтобы они шли, зная, что Всадник не сделает ни одного насильственного или принудительного действия. Но моя вера в то, что раз вы так делаете, то это необходимо, обязывает меня спросить вас, по какой причине и каким образом вы действуете, чтобы заставить лошадей с таким норовом, как я только что сказал, свободно сносить этот маневр. Кроме того, я буду очень рад, если сначала вы объясните мне, что вы называете «подщипывать».

Королевская реплика всегда будет заметна. Королевская реплика всегда «прозвучит».

Это уже не просто фраза, не просто вопрос или замечание – это «королевская реплика». Почти догмат, ибо король сказал: «Вы же сами говорите, что нельзя бить лошадей».

Бомбовый, шоковый эффект этой фразы в XVII веке сейчас, в эпоху Nevzorov Haute Ecole, оценить трудно. Тем более, когда эта фраза произнесена королем. Везде и всюду лошадь бьют, лупят, избивают, увечат, искренне считая, что это единственный способ ее воспитания.

И тут маленький хрупкий Плювинель, устами короля Людовика, на всю Францию заявляет своим современникам, что то, к чему они так привыкли, без чего они не мыслят жизни и Школы, – недопустимо. По сути, это обвинение современников и в идиотизме, и в дилетантизме одновременно.

Плювинель

СИР, «подщипывать» свою лошадь в тот момент, когда она выполняет курбеты или в каком-либо более приподнятом движении, – это значит легонько сдавливать ее живот обеими шпорами или одной из них, не ударом, но сжимая, по ситуации, осторожно или чуть сильнее, постоянно или когда этого потребует необходимость, чтобы, привыкнув к этому маневру, лошадь подавалась на зад слегка или резко, в зависимости от того, с какой силой Всадник выполняет этот маневр. И для Всадника, и для лошади вся суть самой высокой науки состоит именно в том, что я назвал великой тонкостью всех маневров, разумность которой наиболее необходима и человеку, и лошади и без которой Всадник не сможет заставить свою лошадь подчиняться по доброй воле, так и Вашему Величеству это известно, как я этого желаю и как я учу в своей школе. Пока лошадь не понимает, не знает, боится маневра шпорами, если нужно поднять ее, воодушевить или наказать, способов сделать это не существует, поскольку удар шпорой служит для наказания, а ноги и сила мышц – для маневров. Но когда она отвечает на маневры ногами недостаточно энергично, следует остановиться на этом. Если лошадь не терпит того среднего между ударом шпорой

и маневром ноги, чем является «подщипывание», о котором я только что говорил, так его практикуют очень немногие (скорее от незнания, чем осознанно). То же, только в большей степени, касается и маневра бедром, который я хочу сделать единственным маневром управления воспитанными мною лошадьми и о котором я особо скажу Вашему Величеству в числе прочих вещей, когда это будет уместно, чтобы Ваше Величество управлял своей лошадью с большим изяществом, чем остальные. Вот, СИР, что я называю «подщипывать» и каковы причины, по которым лошади необходимо его знать, понимать и не бояться. И чтобы удовлетворить желание Вашего Величества знать, как я заставляю слишком чувствительных, нетерпеливых и гневливых лошадей сносить этот маневр: я велю привязать лошадь подобного нрава между двумя пилярами короткими веревками, после того как начал урок у одного пиляра, чтобы постоянно поддерживать ее в хорошей позиции. После того как ее привяжут, я прикрепляю к шпорам на щиколотках того, кто верхом, два мячика, которыми играют, отбивая их ракеткой. И прикрытыми таким образом шпорами я очень осторожно заставляю лошадь принимать то в одну, то в другую сторону, давая ей почувствовать прикосновение этих мячиков к животу, чтобы она поняла, что боль невелика. Потом, когда она привыкнет принимать в стороны и идти шагом, нужно удерживать ее прямо на одном месте и приближать от раза к разу две шпоры, чтобы она почувствовала их обе одновременно. Так как мы приучили ее не бояться шпор в этих обстоятельствах, без движения, из опасения, что она потеряет свою позицию, наделав беспорядка, в другой раз я начинаю урок между двумя пилярами, но, поскольку она уже почувствовала шпоры без движения, теперь, когда ею правят, я все время очень осторожно подношу их к ней. И таким образом лошадь обязательно научится не бояться шпор, снабженных мячиками. Ваше Величество может указать мне на то, что вместо того, чтобы использовать мячи, я мог бы просто снять шпоры, поскольку каблук для живота лошади то же, что и мяч. Но я делаю так по той причине, что, если шпор нет, каблук не может коснуться живота лошади без того, чтобы икра ноги не сдавила его чрезмерно, да и положение ноги будет другое, чем со шпорой. Когда лошадь не боится шпор, прикрытых мячиками, и не выходит из-за этого

из себя, я беру шпоры, которые совсем не колют, и продолжаю те же уроки. А после того, как она привыкнет, я беру обычные шпоры и пользуюсь ими осторожно или чуть сильнее, по потребности. И таким вот образом любая лошадь, какой бы нетерпеливой, гневливой и чувствительной она ни была, в результате благоразумного и рассудительного применения этого метода, без всякого сомнения, научится свободно сносить такие маневры и не бояться уместных наказаний. Это особенно важно для боевой лошади, поскольку лошадь, которая не выносит руки и шпор, выходит из-за этого из себя и учиняет беспорядок, не только не способна служить своему хозяину в благоприятных ситуациях, но может подвергнуть опасности его жизнь. Ведь совершенно очевидно, что в бою, среди опасностей, человек не обладает свойственной манежу точностью руки и шпор. Ведь зачастую, сталкиваясь с опасностью и желая избежать ее, он шпорит свою лошадь, чтобы уйти от этой опасности, и нередко усиливает это более резким, чем обычно, движением узды, чтобы развернуть лошадь в ту или иную сторону. Если лошадь боится и, вместо того чтобы подчиниться воле того, кто на ней, учиняет беспорядок и выходит из себя, Всаднику остается лишь уповать на то, чтобы жизнь его не подверглась смертельной опасности. Это наглядный пример того, как необходимо, чтобы лошади не боялись узды и шпор.

Н «Мячики» для сегодняшнего читателя кажутся полной несусветицей, но они действительно существовали в то время. Посмотреть на такие «мячики» можно в шекспировском доме-музее в городке Стратфорд-он-Эйвон, на экспозиции второго этажа. Правда, там они представлены не как «контрацептив» для шпоры, а просто как мячики.

Любопытно, что как «контрацептив» для шпоры – они действительно очень подходят.

О стилистике плювинелевской работы шпорами очень много говорит тот факт, что в этом абзаце никак не упоминается «манежный мальчик», т. е. существо, которое бегало за всадниками того времени по манежу или эру, подавая обретенные

хлысты, прутики, свалившиеся шляпы, отлетевшие перья или кружевные манжеты. Этот же «манежный мальчик» должен был принять лошадь от всадника, если тот пожелал срочно спешиться «по большой или малой нужде, в страхе, из-за погубления или досады».

По идее, мячик на шпоре должен был бы слетать, надрываясь, достаточно часто. По крайней мере, если бы Плювинель работал шпорой так, как это принято сейчас, – практически в темп. Посмотрите мячики того времени, повертите их в руках (на втором этаже экспозиции практически нет служителей и витрина легко открывается), и вы увидите, что они являются очень уязвимой конструкцией.

Но поминания о «мальчике» нет, следовательно, в нем не было необходимости, подбирать мячики было незачем, они не слетали со шпор!

Даже «контрацептированной» шпорой Плювинель работал с невероятной мягкостью и очень редко.

Король

Ваши доводы легко достигают моего рассудка, и я вижу, как малопомалу вы заставляете лошадь ясно вас понимать. Вот почему мне доставит удовольствие, если вы продолжите ваш рассказ и разъясните мне, что вы делаете с лошастью, укрощенной так, как вы только что сказали.

Плювинель

СИР, когда я укрощу лошадь так, как Вы, Ваше Величество, видели, я по-прежнему начинаю урок с ней у стенки, на вольтах, чтобы и дальше удерживать ее в подчинении руке, чтобы она позволяла здесь собой управлять, чтобы она держала свою хорошую позицию, чтобы не боялась маневров шпорами. Затем, привязав ее между двумя пилярами веревками подлиннее, я очень осторожно начинаю заставлять ее шагом принимать в одну и в другую сторону и без остановки менять ноги. А когда лошадь освоит эту менку через шаг, я стараюсь по возможности заставить ее ме-

нять ноги на галопе, что она будет делать всего через несколько дней, так как она уже привыкла принимать в одну и другую сторону, останавливаясь с каждой стороны.

Король

Почему вы хотите, чтобы ваша лошадь умела принимать в сторону и чтобы она меняла ноги?

Плювинель

Потому, СИР, что та лошадь, которая не умеет принимать в сторону, может выполнить хороший вольт только случайно. Если же она это умеет, то, когда при выполнении вольтов она слишком завалится на внешнюю шпору, она ее подождет, а, когда она слишком подождет внутреннюю шпору, она ее расширит. Кроме того, если при движении прямо она дернется в одну или в другую сторону, одна или другая шпора принудит ее идти прямо. Вот почему (СИР) я хочу, чтобы лошади умели принимать в сторону. А сейчас я перехожу к другому и прошу Вас, Ваше Величество, посмотреть на эту лошадь с лонжесей у щечки узды, как я уже говорил выше. Вместо того чтобы привязать ее между двумя пилярами и заставить принимать в сторону, я начал урок с ней с того, что было угодно ей, чтобы развлечь ее, и чтобы она ни в коем случае не заскучала от повторения одного и того же. Посмотрите, как у нее голова отведена от пиляра и совсем близко, и задние ноги не на одной линии с передними (*les hanches dehors*), как она принимает в сторону, идет шагом, на ее плечи и задние ноги, и плечи же (*plus étroit des épaules*). И обратите внимание на то, как она выполняет курбеты с того же следа (*de la même piste*) и как тот, кто на ней, помогает ей двумя шпорами (*talons*) выносить плечи вперед, чуть сильнее той, которой он ее высылает, чтобы она слушалась. То есть поддерживать ее только той, против которой мы ее погоняем, крепко сжимая ее икрой той ноги или «подщипывая» ее той шпорой, которой мы хотим ее подчинить. Этот урок очень полезен и продвигает лошадь вперед.

Король

В чем, по-вашему, в смысле продвижения лошади вперед, состоит преимущество этого урока перед уроком между двумя пилярами, на котором мы лишь заставляем лошадь принимать в ту или иную сторону?

Плювинель

СИР, я нахожу в этом два преимущества: первое состоит в том, что лошадь у одного пиляра боится меньше, чем у двух, поскольку прикована не с обеих сторон и не настолько подчинена. И, следовательно, нужно, чтобы, помимо знакомой ей опоры на руку, она подчинялась и тут, позволяя вести голову (*en se laissant conduire la tête*) у пиляра. Второе преимущество в том, что она подчиняется еще и двум шпорам одновременно, и в большей мере той, которой мы погоняем ее, чтобы она не шла себя вперед немного боком (*se porter en avant un peu de côté*). И именно по этим моментам Ваше Величество сможет сделать вывод о том, что обладающая подобным умом и послушанием лошадь почти уже достойна быть названной знающей.

Король

Помнится, вы говорили, что есть лошади, которые совсем не боятся шпор и которые настолько малочувствительны и смелы, что шпоры их несколько не беспокоят. И что таких лошадей скорее нужно особыми способами учить бояться и избегать шпор, чем сносить их. Вот почему я был бы рад, если бы вы рассказали мне каким образом можно придать им подобную чувствительность.

Плювинель

СИР, есть лошади настолько глупые и трусливые и с такими слабыми боками и ногами, что все, на что они способны, – это пройти два лье в день (около 8 км). Эти лошади скорее годятся для кареты, чем для мажестика, и они настолько недостойны быть представленными Вашему Ве-

личеству, что не стоит при нем о них и говорить. Но есть и такие, которых, притом что они обладают достаточной силой и хорошими ногами, недостаток храбрости делает такими вялыми и нечувствительными, что нужно проявить немалую изворотливость, чтобы их разбудить. С такими лошадьми я сперва предпочел бы обращаться хорошо. Затем, если по ним не скажешь, чтобы они проснулись, я, учитывая, что они в хорошем теле, велю закрыть их в конюшне, где они не видят ни луча света ни днем ни ночью, и держу их там месяц или шесть недель безвыходно. При этом еды им дают столько, сколько они захотят. Если это их оживит, так мне только того и надо было, чтобы избежать причинения им боли. Поскольку мне свойственно искать всевозможные уловки, только бы не пришлось мучить лошадей. И для меня непререкаемым правилом является то, что человек, который может объезжать лошадей, причиняя им боль, действуя на них силой, – совершенный невежда. Если же ни один из щадящих способов не действует, я ставлю их к стенке и бужу шамбриером, пока они не пойдут решительно из страха перед ударом. Затем, когда человек уверенно держится верхом и когда лошадь привыкает идти энергично, не падая (*sans tomber*) (что случается с такими лошадьми нередко), я велю без опаски крепко дать ей острыми шпорами, а если потребуется, то прибегнуть к шамбриеру, хлысту или голосу того, кто верхом. Тем самым надо постараться внушить ей страх и, по возможности, больше напугать ее, чем причинить ей боль, чтобы она свободно поднималась от шпор и чтобы страх получить их сделал лошадь чувствительнее. И если правильное проведение этого урока не приведет ее в то состояние, которого желает Всадник, следует предположить, что лишь бессилие (немощность) (*l'impuissance*) мешает ей в этом, а в таком случае ничего не поделаешь, потому как нельзя требовать от человека невозможного.

Н

Мне очень стыдно перед читателем, но, выполняя волю покойного прецептора Школы, г-на А. де Плювинеля, и его друга и слуги Р. де Мену, которые представили книгу «Наставление королю» именно в том виде, в каком вы ее видите, –

я все же буду комментировать весь текст, а не ту квинтэссенцию книги, которая легко вычисляется самым простым приемом раскрытия стеганографического текста. Таких приемов и рецептов много означено в трудах покойного аббата Триттемия, они универсальны, легко применимы к данному труду – и пожелавший увидеть смысл текста в его чистом виде – может, в конце концов, сам применить их к «Наставлению королю».

Здесь, впрочем, стеганографические привычки авторов книги спровоцировали некий совершенно явный «внутри-текстовой» конфликт, благополучно не замеченный самими авторами.

Постулаты, очень рельефно и жирно прописанные, – контрастируют с «наполнителем».

«Поскольку мне свойственно искать всевозможные уловки, только бы не пришлось мучить лошадей. И для меня непререкаемым правилом является то, что человек, который может объезжать лошадей, причиняя им боль, действуя на них силой, – совершенный невежда».

Плювинель в очередной раз «высказался».

Господин Ле Гран

СИР, послушав Господина де Плювинеля и увидев подтверждение его речам, Ваше Величество может заключить, что его метод наиболее верный, наиболее сжатый, наиболее плодотворный и наименее опасный. И могу заверить Ваше Величество, что виденные мною следствия этого метода весьма прекрасны и многочисленны и что никогда ни в одном из мест, где я побывал, я не встречал лошадей, которые бы так хорошо шли всеми видами поступи (*à toutes sortes d'airs*), как лошади, обученные в его школе. И что я также не встречал или встречал совсем мало людей, так хорошо сидящих на лошади, столь решительных, работающих с таким знанием, смыслом и терпением, как те, которые научились этому у него. Смеею заверить Ваше Величество в том, что за десять лет он обучил больше людей и лошадей, чем было когда-либо

видано в Вашем Королевстве. И доказательством сказанного мною является то, что всеми лучшими школами Франции управляют его ученики. И что все Ваше Дворянство, привыкшее уезжать на поиски подобных знаний в другие страны, с удовольствием набирается учены на родине, вместо того чтобы в массе своей возвращаться невежественным, не получившим никакого удовлетворения от поездки, кроме того чтобы увидеть иную, чем их собственная, страну. Вот почему (СИР) я благодарю Бога за то, что Господин Плювинель оказался здесь во время Царствования Вашего Величества и, удостоившись чести наставлять его, почитает за счастье повстречать столь достойную особу и внушить ей восхищение своей наукой в надежде в скором времени увидеть плоды своего труда, когда Ваше Величество станет самым блестящим в этом деле в своем Королевстве без особых усилий, учитывая природную склонность, которую он обнаруживает во всем, что желает предпринять.

Плювинель

СИР, мне представляется прекрасная возможность поблагодарить Бога за то, что Он наделил меня толикой добродетели, побуждающей Господина Ле Грана говорить с Вами обо мне в подобных выражениях. Но еще в большей степени я должен возблагодарить Его за данное мне счастье не только снискать благосклонности двух великих Королей своей службой, но и удостоиться чести наставлять Ваше Величество в самом совершенном из всех упражнении для тела и в самом необходимом для великого Монарха. До сего момента, СИР, я рад был демонстрировать Вам, каким образом я на практике применяю метод, которого я придерживаюсь, чтобы делать лошадей послушными и готовыми достичь самых высоких совершенств, желая показать Вашему Величеству, что подобное легкоосуществимо при помощи пиляров и что я не без причины отказался от всех других изобретений в пользу этого. Поскольку, как я сказал прежде, меня следовало бы обвинить в неосмотрительности, если бы я оставил привычный метод работы ради какого-либо другого, не имея веских доказательств его преимущества, и если бы я не был совершенно уверен в том, что любых лошадей,

с любыми характерами, можно обучить этими двумя способами (один – у стенки, второй – между двумя пилярами) всевозможным поступкам (*à toutes sortes d'airs*) как для войны, так и для торжественных церемоний и состязаний. Одних, однако же, обучить проще, чем других, поскольку хорошие лошади, от природы наделенные силой и легкостью, скорее «осваивают манеж» (*être plus promptement résolu dans son manège*), способны двигаться лучше и более продолжительное время и легче, чем те, которым этого не хватает.

И если вдруг какие-то невежи, увидев меня за работой, возомнили, что способны сделать нечто похожее, и, попробовав, испортили своих лошадей или не добились того, чего хотели, я очень огорчен и советовал бы им скорее оставить это занятие (раз уж они столь мало в нем преуспели), чем хулить то, в чём не понимают. Но, СИР, это то, что не слишком меня беспокоит, поскольку я озабочен лишь тем, чтобы были довольны Ваше Величество, те, кого я почитаю и к кому испытываю уважение, мои личные друзья и самые разные почтенные люди, имеющее желание научиться. Остальные же пусть себе работают как им вздумается, я никого не хочу осуждать, мне это несвойственно. Мне вполне достаточно того, что я умею отличить истинное от ложного и знаю наилучший путь к моей цели. Итак, СИР, мое мнение таково: для того чтобы Ваше Величество не заскучал от моих речей и позабавился, пора ему начать садиться на лошадь.

Король

Нет, Господин де Плювинель, с большим удовольствием я бы послушал, чем вы завершаете урок с лошадью, когда она уже на том уровне, на каком мы ее оставили, и что вы делаете, чтобы довести ее до совершенства.

Плювинель

СИР, Ваше Величество не перестанет удовлетворять свое любопытство и, работая самостоятельно, кое-чему научится. А в моменты отдыха я продолжу свой рассказ и буду на деле показывать ему то, о чем ска-

жу на словах, на примере нескольких достойных людей, способных при мне обучить лошадь, а чаще на собственном примере. А сейчас (СИР), да будет угодно Вашему Величеству последовать моему совету и сделать одолжение всем тем знатым особам, которые сейчас перед ним и которые так давно мечтают увидеть его верхом. Это вселит в них надежду на то, что вскоре он встанет во главе своих армий, являя столь прекрасный образец доблести, что все его Дворяне устремятся копировать его и следовать его примеру, чтобы стать достойными служить ему, как подобает.

На этом заканчивается первая часть «главной» книги Школы. К сожалению, она оказалась книгой первой и, по сути, единственной и последней (на сегодняшний день) канонической книгой Высокой Школы. (Из общеизвестных.)

Эпигоны и подражатели Плювинелю, такие как Гериньер, Сонье, Дю Клам, – лишь пытались механизировать процесс обучения Высоким элементам и ничего принципиально нового не поняли, не написали и не внесли. Гериньер был скорее озабочен возможностью приспособить Школьные секреты воспитания лошади к требованиям тогдашнего рынка, «оширпотребить» духовное и профессиональное наследие Плювинеля. Ничего более.

Д. Аренси блестяще охарактеризовал его «Кавалерийскую школу» следующим образом: «Гериньер – это Плювинель, пересказанный полным дураком» (по другой транскрипции – «в пересказе полного дурака»).

Здесь, в последних абзацах первой части, Плювинель очень надменно и жестко отзываясь о современных ему подражателях его искусству и об «оппонентах».

Он сдержан и, в общем, безразличен, он сухо и без симпатии констатирует наличие таковых, но в полном соответствии с духовными традициями рыцарей Храма Соломонова, в том числе и традиции великолепного высокомерия, – никакого значения наличию оппонентов не придает.

Плювинель, как вообще легко заметить и по его книге, и по репликам в мемуарах современников, – чрезвычайно надменен.

Именно поэтому, кстати, так легко приклеилось к Плювинелю его придворное прозвище – «Грубиян».

Конечно, по сравнению с влиятельными и компромиссными обитателями Версаля и Лувра, – непреклонный Плювинель, не поступавший ради комфорта общения никакими взглядами или убежденностями, должен был производить впечатление «Грубияна».

Хотя был всего-навсего, как истинный тамплиер, надменен и высокомерен.

Надменность и высокомерие – это в известной степени чисто тамплиерская идеологическая и духовная традиция, вошедшая в европейскую культуру именно благодаря рыцарям Храма и их тайным и явным последователям. (К коим, как мы уже знаем, относился и Антуан де Плювинель.)

Надменность и высокомерие.

Эти слова (в культуре ширпотреба) приобрели несколько негативный оттенок, но, даже если вы сделаете простую этимологическую «препарацию» данных слов хотя бы в русском языке, вы получите крайне позитивный смысл как первого, так и второго слова.

«Надменность» – это всего лишь бескомпромиссность, умение остаться над «мной», над торговлей, над любым удобным соглашением. Это некая «черно-белость», та самая, что была запечатлена на щитах и боевых знаменах тамплиеров, которые и сделали надменность и высокомерие – принципом и блестящей духовной практикой. (Строгое разделение основного герба Ордена на два полярных цвета без каких-либо украшений и символов – само по себе исчерпывающе красноречиво.)

«Высокомерие» – это умение и желание руководствовать лишь «высокой мерой». Не более.

Кстати, по-латыни оба русских слова – и «надменность», и «высокомерие» – звучат и пишутся как «superbia», что, как

известно, есть чисто Школьный термин, означающий состояние духа всадника в момент любых занятий с лошадью.

Латинское двухкоренное слово SUPERBIA, если и его «отпрепарировать», состоит из латинского корня SUPER, что означает, естественно, «сверх», и санскритского BHU, что означает «быть». То есть буквальный смысл латинского «высокомерия» – это «сверхбытийность».

В чрезвычайно редкой Школьной рукописи XVII столетия «Прецепцио Прецепторибус», содержащей удивительные наставления об обучении лошадей, о духе Школы, пророчества о земных и загробных судьбах Мастеров, мистические и каббалистические откровения, – духовной практике «superbia» уделено немало страниц.

Есть «superbia» как принцип состояния духа при занятиях с лошадью.

А есть целая духовно-психологическая практика, научающая взаимоотношениям с внешним миром. Овладение ею делало Школьного Мастера полностью психологически неуязвимым для любой травли и любых насмешек или негативных оценок. Переводя на современный язык, эта практика очень успешно учит глубоко презирать любого оппонента, учит уверенности в его безмозглости, тщетности и мелкости.

Овладевший практикой «superbia» любые чувства или изречения оппонента воспринимает как «лай собак под стеной замка» или как «крики забавных карликов, что, развернув свой балаган на площади, жонглируют маленькими факелами».

(Извиняюсь, конечно, перевод может быть и не вполне точен, но часть рукописи написана на «вульгарной латыни», а, следовательно, возможны толкования.)

Сейчас мы могли бы сказать, что Плювинеля, конечно, подтравливали.

Над ним посмеивались из-за угла, когда он был в безусловном фаворе у королей, ему смеялись в лицо, когда его влияние слабело. О нем много и упоенно злобствовали.

Его объявляли сумасшедшим и лгуном. Утверждали, что по ночам десять конюших жестоко избивают Школьных лошадей цепями и вожжами, дают лошадям охмуряющие травы – и только поэтому Школьные лошади демонстрируют то благонравие и успокоенность, что так поражали современников Плювинеля.

Практически все, что говорил Плювинель о методах воспитания лошадей, воспринималось современниками очень злобно и враждебно. Злоба и вражда разжигались и «кочегарились» лошадниками его времени, которых вместе с их методами Плювинель постоянно выставлял злобными идиотами.

Это – широко известные исторические факты.

Но сам Плювинель – с его постоянно, на полную включенным высокомерием, полностью владея «superbia», как известно, не придавал этому ни малейшего значения.

В этом легко убедиться, еще раз внимательно перечитав финал этой части.

В словах Плювинеля нет даже досады. Есть лишь констатация факта существования дураков. И все.

Конец первой книги

POST SCRIPTUM

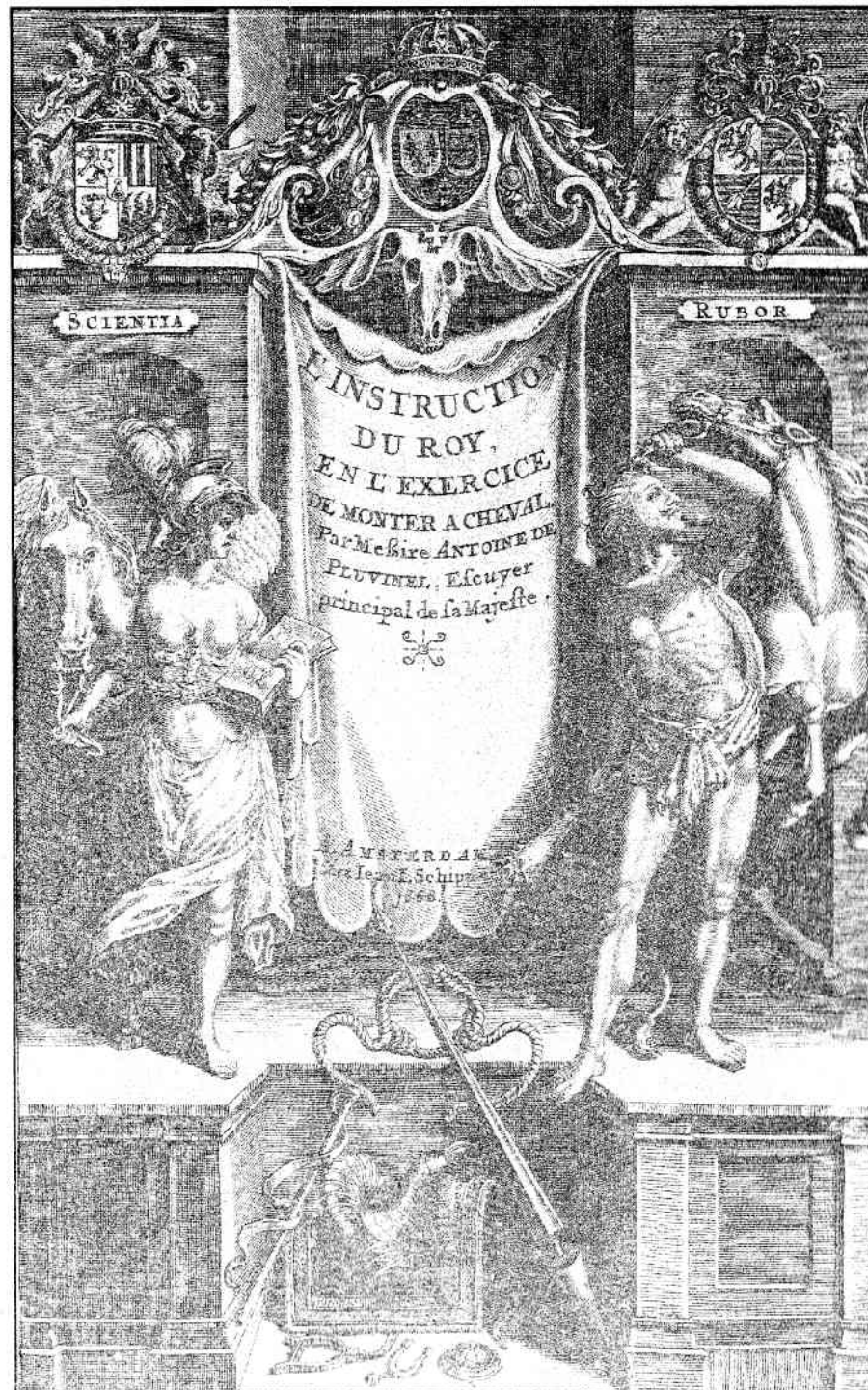
ТАЙНЫЙ СМЫСЛ СТАРЫХ ГРАВЮР

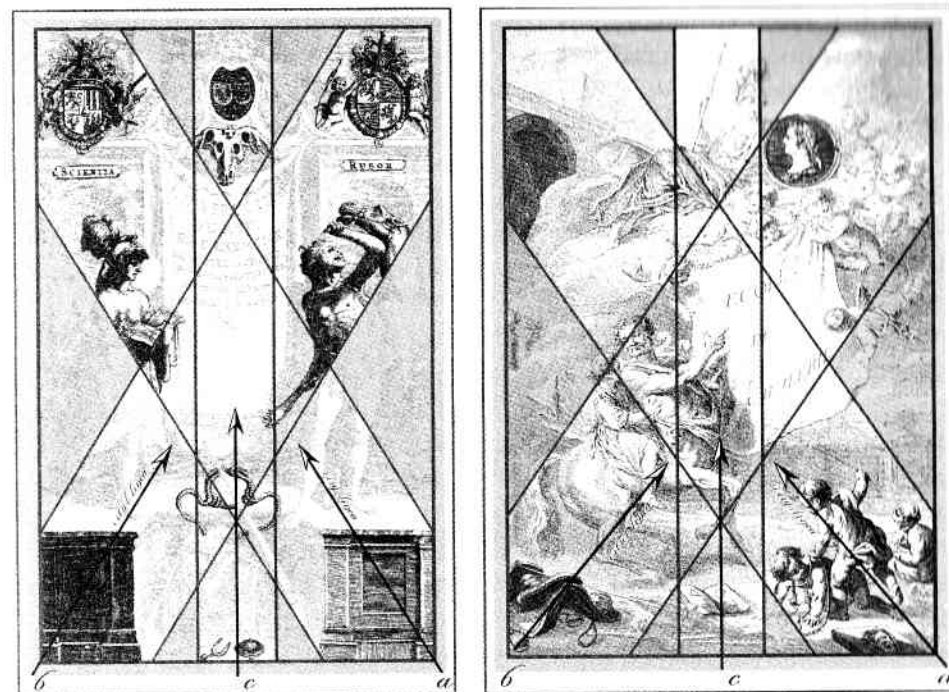

Вообще, очень и очень многие идеи и смыслы, одухотворявшие старых Мастеров Школы и подражателей им, — «зашифрованы» в титульных гравюрах, предваряющих фолианты. Надо понимать, что речь не всегда идет о сознательном сокрытии смысла и умышленной кодировке с помощью масонских, каббалистических или иных символов. Такое, разумеется, тоже было, и было частенько. Достаточно вспомнить хрестоматийный пример издания «CRIPTOME» Густава Селенсуса 1624 года, где в титульном листе информации, в том числе строго секретной, заключено чуть ли не больше, чем в самой книге. Или издание «SYLVA SYLVARUM» Бэкона в 1627 году. Вот там действительно реальные — и сложные шифровки, переплетения розенкрейцеровских шифров, кодов Лурианской каббалы и сложные стеганограммы. Титульный лист книги в то время служил великодушным передатчиком информации. К самому началу XVII столетия мода на шифровки в титульных гравюрах, благодаря Бэкону, аббату Триттемию, аббату Спавгайму и Гербиролиусу, — стала повальной.

В нашем случае все чуть проще. Титульные гравюры Школьных книг тоже, разумеется, содержат тайные знаки и коды для учеников, последователей и посвященных, но по большей части — скрытый смысл заключен не в секретных символах, а в достаточно простой символической, значение которой забылось или утратилось за три с половиной века. Просто, открывая старый фолиант и видя титульную гравюру, надо понимать, что перед вами не «картинка», не простое украшение издания, а очень серьезный информационный носитель, который преисполнял единомышленников почтением к изданию, а отрицателей и противников — презрением и гневом.

Для примера сравним титульные гравюры Плювинеля амстердамского издания 1666 года и титульные гравюры парижского издания Геришера 1733 года. Анализировать их очень легко с помощью простейшего,

очень подходящего для таких случаев ключа, т. н. *clavis Gerbiro* (ключ Гербиролиуса).

Причем говорить будем не о каббале и криптограммах (которые там тоже присутствуют), а о достаточно простых, но малозаметных и малопонятных сегодня символах. Следует при этом все равно, впрочем, помнить о правилах графической стеганографии. Первое правило расшифровки гравюры по Гербиролиусу – это соблюдение т. н. *virg. linea*, то есть «девичьей линии», идущей от внешнего нижнего угла книги к верхнему внутреннему. Это принципиальная, авторская линия, выражающая основную мысль гравюры. У Плуvinеля в углу «а» мы видим очень светлое основание, от него линия идет через книгу в руке Афины (в греч. мифологии одно из имен Афины – Гиппия, покровительница лошадей) и через бронзу и плюмаж шлема (символ славы), проходит через надпись «Scientia», что означает «наука», и выходит на рыцарский герб, где есть восходящее, рождающееся пламя (символ начала

события), «разъяренный лев» (готовность к войне), черно-белое тамплиерское поле (непреклонность и надменность), фиал, школьный звонок. По-моему, смысл настолько очевиден, что не нуждается в дополнительных комментариях, забавно только, что в книге, которую держит в руке Афина, — очень грубо закамуфлированы под мундштуки четыре кода Лурианской каббалы. Этот смысл подчеркивается и второй (антиподной) линией, именуемой у Гербиролиуса обычно *vetul. linea* («линией старухи»). От темного основания она восходит к дубине, к дикарю, который уздечкой рвет лошади рот, проходит через надпись «Rubor», что означает «позор», и поднимается к гербу, где два всадника и два опущенных (траурно опущенных) факела, что означает, в случае кратного повторения, смерть, скорое исчезновение символов (в нашем случае «всадников»), с которыми справа и слева соседствуют опущенные факелы. Центральная линия берет (и не случайно) начало через брошенную, лишенную тренчика шпору, оторванный люнетт, поднимается через седло и безжелезный кавессон по заглавию книги... и упирается в лошадиный череп, увенчанный хвостатым тамплиерским крестом, который символизирует мудрость и разум. Сразу оговариваю, что это очень небрежная, очень краткая и лишенная массы обворожительных нюансов расшифровка титульной гравюры. Полная расшифровка была бы столь объемна, что вся площадь этой книги была бы недостаточна.

Но даже и в таком адаптированном варианте гравюра, как видим, является абсолютно понятной декларацией взглядов А. де Плювинеля.

Обратимся к титульной гравюре Гериньера. «Девичья линия» начинается с кричащей то ли от боли, то ли от ужаса маски, расположенной на могиле. На этой могиле мы видим очень странную игру детишек. Детишка с крылышками избивает прутом другого, бескрылого детишку, на которого нацеплена уздечка с поводом. Третий (тоже бескрылый) внемлет избиению и зарисовывает подробности. Далее «девичья линия» восходит через полотно, несущее надпись, но скрывающее центральную область гравюры... и выходит на совершенно темную и малозаметную лошадь в некоей темнице. Разумеется, и в гериньеровской гравюре тоже смыслов и скрытых символов еще на целую книгу, но тенденция понятна и декларация очевидна.

СОДЕРЖАНИЕ

Война Школ

5

Наставление королю в искусстве верховой езды

Книга первая

27

Post Scriptum

Тайный смысл старых гравюр

127

Научно-популярное издание

Антуан де Плювинель

Наставление королю в искусстве верховой езды,
написанное мессиром Антуаном де Плювинелем,
в переводе и с постраничными комментариями
Александра Невзорова

Книга первая

Руководитель проекта *Лидия Невзорова*
Координатор проекта *Тамара Комиссарова*
Ответственный редактор *Стасия Золотова*
Художественный редактор *Дмитрий Райкин*
Технический редактор *Евгений Муштай*

e-mail: info@hauteecole.ru
www.NevzorovHauteEcole.com

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., 34,
корп. 1, ЛИТЕР А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано по технологии СтР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

НАСТАВЛЕНИЕ КОРОЛЮ В ИСКУССТВЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

НАПИСАННОЕ МЕССИРОМ
АНТУАНОМ ДЕ ПЛЮВИНЕЛЕМ
В ПЕРЕВОДЕ И С ПОСТРАНИЧНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ
АЛЕКСАНДРА НЕВЗОРОВА

Со времен позднего Ренессанса

Высшую систему отношений человека и лошади

называли Haute Ecole. На заре своего возникновения, в XVI веке,

Haute Ecole была необыкновенно жестока к лошади, изобретая все новые и новые методы болевого воздействия и подчинения лошади

воле человека. Но в XVII веке произошла революция, появился

Новый Мастер – Антуан де Плювинель. Он вывел Haute Ecole

на иной уровень развития, положив в ее основу

совершенно иное отношение к лошади,

основанное на благородстве и самоотверженности человека

и на поиске других способов взаимоотношения с лошастью.

Плювинель первым заявил миру, что железо и уздечка мучительны для лошади и пытался смягчить их воздействие.

Долгое время канонический труд Антуана де Плювинеля

«Наставление королю» был доступен русскому читателю

лишь на французском языке.

Сейчас этот величайший литературный памятник XVII столетия

впервые переведен на русский язык и дает читателю возможность

лично ознакомиться с трудом,

а сопровождающие текст обширные постраничные

комментарии Александра Невзорова помогут неподготовленному

человеку глубже прочувствовать эпоху, понять суть написанного

и вникнуть в тонкости стиля автора.

ISBN 978-5-17-053756-3

9 785170 537563 >

интернет-магазин

OZON.RU

39159993

библиотека

bibliothèque

NEVZOROV HAUTE ECOLE